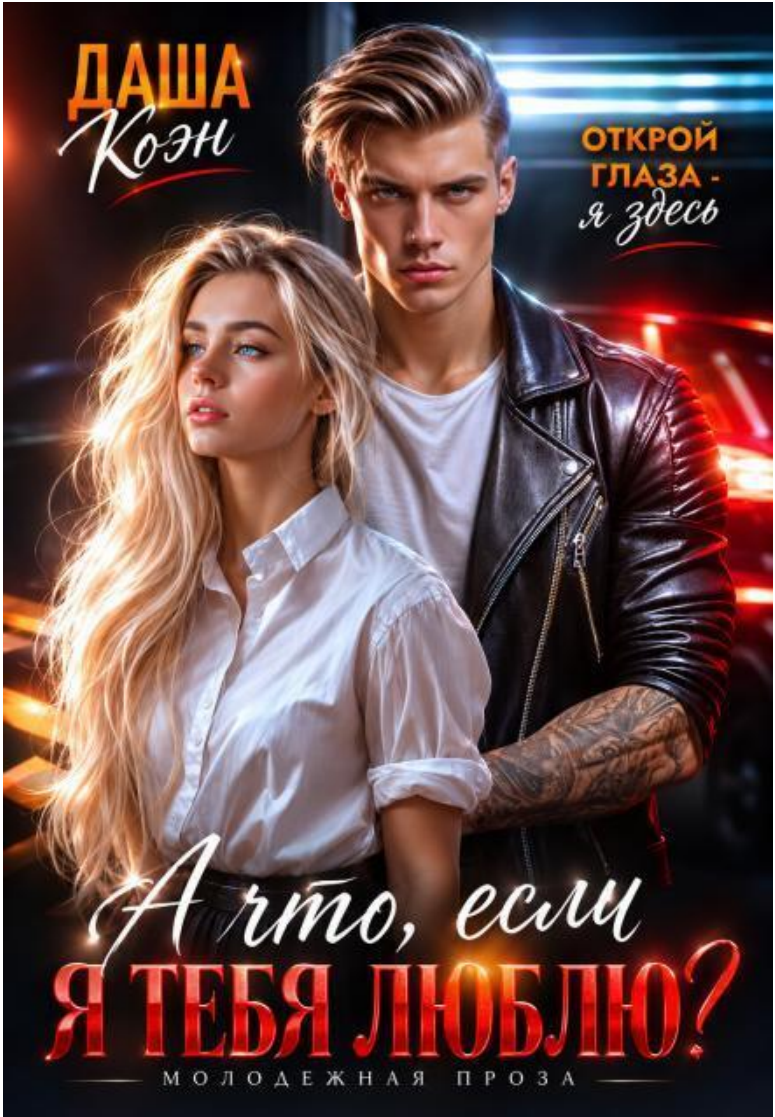

ДАША
Коэн
ОТКРОЙ ГЛАЗА - я здесь
А что, если
Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ?
МОЛОДЕЖНАЯ ПРОЗА

Даша Коэн
А что, если я тебя люблю?

https://litres.ru/75016599

Аннотация

БЕСТСЕЛЛЕР! КНИГА ВЫШЛА НА БУМАГЕ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ "РУМПЕРИЯ"

— Это было отвратительно! — О чём ты, малая? О том, как я целовал ту девчонку? — Именно. — А что не так? Я что-то делал неправильно, м-м? — Перестань! — Оу, а может, ты просто хотела занять её место? — Лучше застрелиться! — Нет, малая, лучше сделать так, чтобы ты сама меня попросила поцеловать тебя...

Эта девчонка появилась в моей жизни и одним своим взглядом подорвала к чертям собачьим все мои ориентиры. И вот итог — я больше не тот беззаботный парень, который никогда не знал отказов. Теперь я превратился в одержимого сталкера. И цель у меня одна — ОНА!

*** НОВИНКА ТУТ:

Содержание

Глава 1 – Безобидный 4
Глава 2 – Квиты 14
Глава 3 – Лучший друг 19
Глава 4 – Запоздалые извинения 30
Глава 5 – Конфликт ожиданий 38
Глава 6 – Пигалица 45
Визуализация 57
Визуализация 62
Визуализация 70
Глава 7 – Всё ясно 74
Глава 8 – Всё так же… 85
Глава 9 – Самый лучший день… 101
Глава 10 – Бой с тенью… 108
Глава 11 – Беда не приходит одна 114
Глава 12 – Хлебные крошки 133
Глава 13 – Капкан 141
Глава 14 – Мышка реагирует 155
Глава 15 – Главное: не пожалеть 165
Конец ознакомительного фрагмента. 166

Глава 1 – Безобидный

Алина

Вздрагиваю, когда входная дверь передо мной открывается, и чуть ли не роняю челюсть на пол.

Ну, ладно, пусть будет — вау!

Кошусь на лучшую подругу, но та только пожимает плечами и вытягивает губы трубочкой, мол «прости, так уж вышло». А я снова перевожу взгляд на парня, что в одних лишь домашних спортивках, низко сидящих на его узких бедрах, стоит передо мной. За ребрами, кажется, от такой картинки слегка коротнуло сердце. И не удивительно.

Я таких персонажей только в кино или рекламе видела: в татуировках весь; в правой брови, в ухе и, господи прости, в сосках поблескивает пирсинг. Пресс прокачан так, что каждый кубик выступает под гладкой кожей и вообще каждая мышца у него будто бы прорисована кистью безумного мастера. Для полноты картины не хватает лишь надписи на лбу: «не влезай — убьет».

Плохой парень — это видно невооруженным взглядом.

Но симпатичный. Даже смазливый. Бритые виски, на макушке шапка до бела высвеченных волос. Пухлые губы, но цвет глаз не разобрать — слишком темно. Скуластый.

И пока я таращусь на него во все глаза, сам он смотрит на меня чуть насмешливо и даже снисходительно, будто бы

привык вот к такому навязчивому вниманию к своей персоне.

Наши взгляды встретились и меня больно царапнул его ответный, полный равнодушия и скуки.

Даже не кивнул в знак приветствия. Ни слова. Просканировал с отсутствующим интересом, а затем развернулся и ушел вглубь дома, шлепая по полу босыми ногами.

Адриана же шумно выдохнула и с улыбкой произнесла:

— Что ж. Это был мой братец — Рафаэль Аммо. Задница ещё та, но, поверь мне, безобидная.

— Ты же сказала, что его не будет дома, — укоризненно уставилась я на подругу.

— Сама в шоке, — пожала плечами девушка, — обычно Раф в такое время реально зависает на всевозможных вписках, охмуряет девочек и все такое.

— Тогда мне лучше вернуться домой, — пячусь я назад, но подруга тут же меня тормозит, прихватив за руку.

— Стоять!

— Слушай, как-то неудобно мне, Адриана. Для первого похода в гости слишком неподходящее время мы выбрали. Я не хочу показаться бестактной, — произношу, тиская в руках подол своей растянутой футболки, с большим сомнением смотря в глаза лучшей подруге.

— Придется потерпеть, Бойко. Да и, как бы то ни было, а домой я сегодня тебя уже не пущу. Так что шевели колготками. Кажется, дождь собирается.

— А...

— Мама в командировке. А Рафаэлю до нас и дела не будет. У него там всегда своя атмосфера.

— Но...

— Пошли!

— Ладно, — и я все-таки нехотя, но переступила порог шикарного особняка, один в один такой же, как обычно показывают в буклетах про беззаботную и счастливую жизнь.

Я стараюсь не произносить и не создавать лишних звуков. Как робот выполняю команды Адрианы: оставляю свою ветровку в шкафу на входе и топаю вслед за ней на кухню.

Но по пути стопорюсь и мгновенно выпадаю в нерастворимый осадок второй раз за этот вечер.

Кто-то говорил, что Рафаэль Аммо безобидный?

Что ж...

Сейчас он точно на такого никак не похож.

В распахнутых дверях я замечаю просторную гостиную. Вижу уютный, в тёплых бежевых оттенках интерьер, огромные окна в пол и камин, где бутафорские поленья вылизывало электрическое пламя. Но главное не в этом. А в том, что посреди комнаты стоял огромный диван, а на нём полулежал полуголый брат моей подруги. И на нём в это время в одних лишь микроскопических шортиках и коротеньком топике извивалась какая-то брюнетка: потиралась о парня своим фигуристым телом, целовала его в шею и всячески пыталась перетянуть на себя внимание.

Но безуспешно.

Ведь Рафаэль, не замечая, казалось бы, ничего вокруг и её саму вовсе, рубился в какую-то компьютерную игру и абсолютно был на ней сосредоточен. Пара мгновений, и он тихо чертыхнулся, отшвырнул от себя джойстик, смачно шлёпнул девчонку по упругой заднице и набросился на её губы в диком поцелуе.

Ну ничего себе...

И ладно бы, да? Но только парень, кажется, заметил, что за ним кто-то пристально наблюдает.

Он на секунду оторвался от своего занятия и ошпарил меня быстрым, режущий взглядом. Улыбнулся криво и самодовольно. И снова принялся за поцелуи, забывая о моем существовании, пока я в шоке пятилась назад, подальше от этого представления.

Боже...

— Алина, ты чего тут? — одёрнула меня за руку Адриана, которая наконец-то заметила, что я не следую за ней, а потрясённо рассматриваю, как её брат засовывает свой язык в глотку незнакомой мне девушке.

— Ничего, — пойманная на горячем, вздрогнула я и тут же ломанулась, куда глаза глядят и без разбору.

Какой ужас! Просто дикий кошмар! И как же стыдно! Ну как я могла, словно глупая деревенщина стоять там и таращиться, словно баран на новые ворота.

Пришла на свою голову в гости. М-да уж...

— Я же тебе говорила, у Рафа там своя атмосфера, — потянула меня за рукав подруга, качая головой.

— Теперь я тебе верю, — пробормотала я едва ли слышно, перебирая ногами и следуя за Адрианой до самой кухни, светлой, с красивым и явно баснословно дорогим гарнитуром и нашпигованной ультрасовременной техникой.

Вот только чувствовала я себя здесь до ужаса некомфортно. Почти до ломоты в суставах.

Я не хотела быть надоедливой мошкой.

Мне хватало этого и в обычной жизни.

Но подруга меня успокоила и ободряюще улыбнулась, заставляя верить в то, что нормально. Вот только внутреннего напряжения мне было не избежать. Адриана, в отличие от меня, жила в престижном районе с трёхэтажными особняками, стоящими за высокими заборами. И я в очередной раз отругала себя за то, что согласилась приехать сюда.

Вот только подруге и дела не было до моих печалей, она усадила меня за кухонный остров и принялась копошиться в огромном холодильнике, выуживая оттуда несколько контейнеров. А я всё не переставала крутить головой и поражаться окружающей меня роскоши.

— У вас очень красивый дом.

— Спасибо, — кивнула Адриана, — мама вдохнула в него частичку себя. А мне не нравится, я бы хотела жить в центре города, а не в этой мажорской глуши.

— Бойся своих желаний, — тихонько прошептала я, но

подруга это всё же услышала.

— Прости.

— Да ничего, — пожала я плечами.

— Как насчёт сёмги? — потрясла в воздухе одним контейнером Адриана.

— Я не голодна, — только было начала я отчаянно врать, но меня сразу перебили.

— Помолчи тут у меня.

Спустя пару минут передо мной уже стояла тарелка со стейком из красной рыбы и овощным гарниром. Я же от сумбурных мыслей и мешанины чувств не могла и кусочка проглотить, всё ковырялась в аппетитном блюде, но единственное, что мне хотелось сейчас — это разреветься.

— Алин? — почувствовала моё состояние подруга.

— Всё нормально. Я лишь устала. От всего.

— Просто сделай это, ладно? Забудь. Ты же Бойко — для тебя нет ничего невозможного.

— Когда я в балетной пачке? — улыбнулась я против воли. — Да.

— Вот и представь, что ты сейчас в ней, подруга. И жуй рыбу, ты и так на курсе самая худющая.

— Не завидуй, — фыркнула я, и мы обе рассмеялись, понимая без особых разъяснений этот странный юмор.

Мы ещё с полчаса просидели на кухне. Адриана распиналась, рассказывая про их элитный посёлок, про то, что мечтает поскорее уехать в Москву и больше никогда не слышать

крики чаек на ветру. Про маму, которая последние несколько лет сгорала на работе и брата, который, казалось бы, жил какой-то своей жизнью.

А я всё это время сидела и прислушивалась к тем звукам, что доносились до нас из гостиной. И по моему позвоночнику медленно ползли мурашки.

Странный парень. До жути.

— Я думала, что до восемнадцати лет нельзя бить татуировки, — зачем-то произнесла я и сама же от своего замечания смутилась.

— Рафу сложно отказать, — пожала плечами Адриана, — у него есть в близких друзьях какой-то крутой мастер, он и штампует ему эти все разноцветные картинки.

— А мама ему на что? Она разве не может это запретить?

— По мнению Рафа, она уже выполнила свою основную функцию — родила его. Дальше он сам.

— М-м...

— Он сам всё рисует, что бьёт на своей коже.

— Он художник?

— Нет, — хохотнула Адриана. — Мама бы не позволила ему настолько распуститься. Хотя Раф самостоятельный и на мамино мнение забивает регулярно. Он же плавает. Профессионально занимается баттерфляем, а его канал в инстаграм невероятно популярен, благодаря его кубикам и белозубой улыбке. Девчонки такое любят. И находятся те, кто готовы ему платить за рекламу в плавках, знаешь ли. Мама, конеч-

но, бесится, но ничего сделать с этим не может.

И скривилась, а я её снова поняла без слов. Но я это недовольство не разделала. У девушки был любящий родитель, заботящийся о её будущем, тогда как у меня...

— Ладно, хватит о Рафаэле. Предложение — завалиться ко мне и посмотреть какой-нибудь старый фильм с твоим любимым Патриком Суэйзи. Ты как?

— Слушай, — вновь замялась я, — а мы точно не помешаем твоему брату?

— Нет. Можешь не беспокоиться на его счёт. Раф обычно обитает на мансарде.

Мы убрали посуду и вышли с кухни. Проходя мимо, я упрашивала себя не смотреть в сторону гостиной и успешно с этим справилась. Хотя уши забил женский визг, а затем томный стон и мужской смех. Я шла и чувствовала, как краснею с головы до пят. Но Адриана только закатывала глаза и качала головой, утверждая, что такое поведение для её брата — это норма.

Ну ладно. Какая мне разница, как развлекается какой-то там мажор, верно? Возможно, что мы видимся первый и последний раз в жизни.

По пути подруга показала мне, где находится ванная. Выдала мне набор чистых полотенец, новую зубную щётку и даже пижаму в милый горошек. А затем мы завалились смотреть моё любимое «Привидение», каждое слово, из которого я уже давно знала наизусть.

Спустя полтора часа Адриана уснула, а я накрыла её одеялом и всё-таки рискнула выйти из комнаты и прошмыгнуть в уборную.

В доме при этом стояла полнейшая тишина.

Никто больше не смеялся.

И не стонал.

Я наскоро ополоснулась под душем, получая невероятное удовольствие от ягодного запаха геля и цветочного шампуня. А дальше вылезла из кабины и принялась тщательно вытирать своё тело. Затем укуталась в полотенце и развернулась, чтобы двинуть в спальню, но тут же чуть не грохнулась в обморок, когда увидела, что в дверях стоял Рафаэль Аммо, уперевшись плечом в косяк и сложив руки на груди, и смотрел на меня исподлобья.

— Ты... ты как сюда попал?

— Серьёзно? Этой мой дом, — и парень улыбнулся так, что у меня колени от страха подкосились.

— И давно ты тут стоишь?

— Достаточно.

— Чего тебе надо? — окончательно опешила я и так стиснула полотенце на груди, что ткань чуть было не треснула под моими пальцами.

— Расслабься, малая. Я не поклонник суповых наборов и бледных блондинок.

Развернулся и вышел вон.

Вот вам и безобидный, да?

Глава 2 – Квиты

Алина

— Алин, ну Алин.

— М-м?

Заявляю официально: гундящий голос лучшей подруги с утра — это хуже любого будильника.

— Ну вставай, пожалуйста, нам ещё позавтракать нужно успеть.

— Забей на меня, — накрываюсь я подушкой и пытаюсь ухватить уплывающий от меня сон за хвост, ведь я половину ночи не могла сомкнуть глаз.

— Ты всегда такая тяжёлая на подъём?

— Нет, только по праздникам, — буркнула я, оставляя за кулисами тот факт, что, походу, брат-двойняшка Адрианы, вчера вечером имел счастье лицезреть мою филейную часть в ню формате.

Боже, за что мне это всё?

А теперь мне предлагают по доброй воле встать, одеться и спуститься вниз, где почти со стопроцентной вероятностью мне встретится этот парень, который категорическим образом не уважает чужие личные границы? Да лучше прямо сейчас выпрыгнуть в окно и с воплями убежать в закат.

— Так, Бойко, ты меня не зли с утра пораньше, а то я тебя за задницу укушу, — сдёрнула с меня одеяло Адриана и я

глянула на неё максимально сурово. А затем не выдержала и рассмеялась.

— Смотри только зубы не сломай, — мы от веселья хрюкнули обе.

— Ну ты и дура!

— Зато самокритичная.

— Иди умывайся и чисть пёрышки, — указала она мне на дверь из спальни. — Не будешь готова через десять минут, и я...

— И что? — закусила я губу, скрывая смех.

— Погоди, я сейчас придумаю что-нибудь, — постучала Адриана себе указательным пальцем по лбу и закатила глаза.

— Не надо, я уже боюсь.

— То-то же!

Пришлось, скрывая внутренний мандраж, вновь тащиться в ту самую ванную, где всего несколько часов назад я вляпалась по самые гланды. Отныне душ в этом доме был под запретом, но почистить зубы и умыться, я могла себе позволить. Правда, скрывать не стану, все время тряслась как осиновый лист, боясь напороться на пристальный мужской взгляд исподлобья.

А затем мне надоело, и я сделала то, что было обычной практикой перед выходом на сцену — я поймала свой взгляд в отражении и сама себе улыбнулась. Жёстко. Бескомпромиссно. Стряхнула с себя страх и неуверенность — осталась только я и мой внутренний стержень, который прочно удер-

живал меня в этом покосившимся, словно Пизанская башня, мире вот уже долгих семь лет.

Ничего, я со всем справлюсь. Было ведь и хуже. Намного хуже...

Я сама себе кивнула, заученным движением скрутила длинные волосы в привычную тугую гульку и вышла за дверь. Спустя ещё десять минут мы с Адрианой молча уплетали за обе щеки сытную наваристую кашу, внутренне готовясь к очередному тяжёлому дню в академии.

— Сегодня взвешивание, — обронила подруга.

— Ага, — кивнула я.

И вновь замолчали, каждая переживая о своём. Но длилось это ровно до тех пор, пока я не услышала, как по коридору в сторону кухни вдруг зашлёпали чьи-то босые ступни. Топ-топ-топ...

А у меня сердце в пятки ушло.

— Ты же говорила, что твой брат уже уехал, — прошептала я подруге, округлив глаза, но та только пожала плечами, не имея намерения переживать на этот счёт. Ну, конечно, куда ей? А мне, что прикажете делать?

Есть подозрение, что тупо разлетаться на атомы от очередного шока!

Ибо Рафаэль Аммо, весело болтая с кем-то по телефону, вдруг зашёл на кухню. И не просто так зашёл, а эпически — в одном лишь белом полотенце, низко обвязанном у него вокруг бёдер. А в остальном же — сердечный приступ!

На руках и ногах татуировки. На сосках пирсинг — кошмар! Рассмеялся невидимому собеседнику, и в его языке блеснула серебряная штанга — мать моя женщина! И вишенка на торте — крепкий раскачанный пресс, состоящий точнёхонько из восьми кубиков.

Нельзя так выглядеть! Нельзя!!!

Ходячий гобелен.

Я в шоке, а ему хоть бы хны. Он, всё ещё болтая, подошёл к столу со стороны Адрианы, стащил с тарелки блинчик и целиком запихнул его себе в рот, довольно умкая и закатывая глаза. Навернул вокруг острова пару кругов и снова замер, но уже напротив нас, нависая на столешницу предплечьями и покушаясь на очередной блин.

Прищурился и медленно слизал топлёное масло с нижней губы. Мазнул по мне пустым, абсолютно равнодушным взглядом, а я, кажется, в этот момент схлопотала микроинсульт. От страха! Но Аммо лишь прожевал очередной блин, вновь рассмеялся в трубку и двинул дальше, на этот раз к холодильнику.

Распрощался со своим собеседником, откладывая мобильный в сторону, а затем взял с полки бутылку минералки, свинтил с неё крышку и присосался как клещ.

И всё было бы нормально, но уже в следующий момент произошло то, от чего у меня серое вещество в черепной коробке за секунду сварилось всмятку. Ибо, да! Полотенце на бёдрах Рафаэля вдруг ослабло и скользнуло вниз, оголяя его

ямочки на пояснице и крепкую задницу.

У меня челюсть на стол упала и разбилась вдребезги. Без шуток!

Адриана заверещала как резаная:

— Рафаэль, блин, да ты обалдел?

Но этот непробиваемый персонаж только хмыкнул, придерживая полотенце одной рукой на причинном месте, а затем подмигнул мне и протяжно потянул:

— Квиты.

И удалился прочь вальяжной походкой сытого льва.

— Что он имел в виду? — первой отвисла от увиденного Адриана, но я лишь передёрнула плечами и, не моргнув глазом, соврала.

— Понятия не имею...

Глава 3 – Лучший друг

Алина

— Алинка!

— Господи, ты чего так орёшь? — схватилась я за сердце и с упрёком посмотрела на Адриану.

— Мне Прохоров написал!

Уф! Меня от этой фамилии резко бросило в жар и даже ладошки чуть взмокли.

— М-м? — только и смогла выдавить я.

— Говорит, что подкинет нас до академии. Круто же! Не нужно будет пилить на такси.

— Но..., — у меня срывается голос в сиплый шёпот, и подруга, кажется, вообще меня не слышит.

— Он сегодня не с предками, а с водителем, так что можно эксплуатировать его на полную катушку.

— Оу...

И тут же на меня оглушительной волной накатывает уродливое настоящее, смывая все те красивые картинки, что мелькали перед моим взором со вчерашнего вечера. Это за бетонными стенами легко было скрывать то, где я живу, как и с кем. Вывернуть же всё нижнее бельё наружу было смерти подобно. Я и так перешагнула через собственную гордость вчера, когда решилась позвонить Адриане. Просто выхода у меня другого не было.

— Только не говори ему, почему я здесь, — едва ли ворочая языком, попросила я.

— Ты сейчас на полном серьёзе мне это говоришь, Бойко? — в моменте надулась рыбой фугу Адриана, но я жёстко стояла на своём.

— Обещай мне!

— Да я могила! — завопила подруга, а я верила ей, конечно, но суеверный страх никто не отменял. Мне было проще быть для всех нормальным подростком. Девчонкой, у которой всё путём и дома чудовище ждёт её разве что выдуманное, да и то в ночной темноте и притаившееся в шифоньере. А не реальное.

Обычно, когда отец выгонял меня из дома на всю ночь, я уходила к соседке — бабе Клаве. Но ещё на прошлой неделе старушку увезли по скорой с инсультом. С тех пор я практически слилась с обоями в нашей квартире, передвигалась исключительно на цыпочках и фактически не разговаривала, а уж когда и открывала рот, то громче шёпота не выдавала. И всё равно нарвалась на разнос. Хорошо, что вместе со мной отец и рюкзак мой выбросил в подъезд, а иначе я не знаю, что делала бы.

— Ладно, — выдохнула я и кивнула подруге, а после потащилась вместе с ней на выход, где накинула на себя ветровку и критически осмотрела своё отражение в высоком зеркале в пол.

М-да уж... не фонтан.

Под глазами синяки от недосыпания, в глазах — всё отчаяние мира, уголки губ грустно опущены вниз, кожа бледная как у умертвия. Красавица — умереть не встать. Такую с утра встретишь — на всю жизнь заикой останешься.

— Да, красивая ты, красивая, Бойко, — потрепала меня за плечо Адриана и почти силой вытолкала за дверь, — хватит самой себе глазки строить, там нас уже Прохоров заждался.

— Он уже здесь? — сглотнула я сердце, которое подскочило до самого горла.

— Минут пять уже как, так что шевели булками.

Шевелю! Но нервы ни к чёрту — без подготовки всегда так. Украдкой щипаю себя за щёки, пытаясь нагнать хоть какой-нибудь румянец, сама себе киваю и выхожу за высокие кованые ворота. Сразу вижу знакомый автомобиль и улыбаюсь.

— Девчонки, здорово! — приоткрывает окно и машет нам Антон. Адриана отдаёт ему под козырёк, а я лишь продолжаю растягивать губы в разные стороны. И млею.

Как дура!

Парень покидает салон и тянется ко мне за привычными обнимашками. Я отвечаю взаимностью и овиваю руками Прохорова за талию. Хохочу счастливо, когда он легко подхватывает меня и кружит, а затем вновь возвращает с небес на землю и тихо шепчет на ухо слишком болезненные для меня слова:

— Сядешь впереди, ладно?

Внутри я тут же вяну. Но внешне продолжаю сиять. Киваю другу и с болезненной судорогой за рёбрами наблюдаю за тем, как Антон приветствует Адриану. Он вроде бы точно так же обнимает её и кружит в воздухе, но я вижу отличия невооружённым взглядом.

Она — не я. И этим всё сказано.

Отворачиваюсь и молча бреду на переднее сидение, ссылаясь на то, что меня мутит на заднем. Вру, конечно, но что не сделаешь для лучшего друга, верно? Хоть в лепёшку расшибись — и то не жалко.

— Алинка, а ты с Рафаэлем познакомилась? — уже в машине зачем-то спрашивает меня Антон.

— Угу, — киваю я.

— Ну и как тебе он?

Я тут же повернулась к Прохорову и отсканировала его лицо взглядом, пытаясь понять, к чему он завёл этот малоинтересный мне разговор.

— Я не понимаю, что я должна сказать, — перевожу я взгляд с Антона на Адриану и обратно, пожимая плечами.

— Что, совсем не впечатлил? — жмурится парень.

— Чем? — приподнимаю вопросительно я брови, пока подруга фыркает и качает головой.

— Тош, отстань от Алинки, её парни с пирсингом и татуировками не возбуждают. Вот если бы Рафик вышел перед ней в обтягивающем трико и сбацал партию из «Приказа короля», то другое дело. А так...

— Ну такое, — кивнула я.

— Я видел его инстаграм*, там столько поклонниц, я в шоке, — не унимался петь дифирамбы брату Адрианы Прохоров.

— У него девушка, вообще-то, есть, — заметила я, а подруга от такого моего замечания вдруг поперхнулась, выпучив на меня глаза, а затем вовсе рассмеялась и спросила, недоумевая:

— Ты с чего это взяла?

— Ну так он с кем вчера зажигал?

Я же вообще не понимала, что происходит.

— Алина, — вновь захохотала Адриана, — так это же была пятиминутка.

— Кто? — меня даже перекосило от такой «важной» информации.

— Ну, девица, которая сдаёт бастионы за пять минут, позволяет делать с собой всё на свете, а потом с такой же скоростью стирается из памяти.

— Спасибо, мил человек, — закатила я глаза, — теперь я стала умнее.

И знала Рафаэля Аммо, считай, как облупленного: безобидный любитель засветить свои вау-булки и подглядеть за чужими. Не парень — мечта!

Покачала головой и отвернулась. Но ребята мой настрой не разделяли. Прохоров достал из кармана пиджака свой мо-

бильный, открыл какое-то видео и сунул его под нос Адриане. Та тут же закивала ему, и они принялись вдвоём что-то тихо обсуждать, склонив друг к другу головы. Но даже не это почти расстреляло моё сердце в упор, а момент, где Антон поднял голову и украдкой потянул носом аромат волос моей лучшей подруги, прикрывая веки и счастливо вздыхая.

А затем поднял на меня глаза и подмигнул...

Полчаса до школы с одного конца города на другой как вечность по горящим углям.

Отвернулась и уставилась невидящим взглядом в окно, апатично провожая мокрые от дождя деревья и серые крыши домов. Сквозь низкие разбухшие от влаги грозовые тучи пробивались робкие солнечные лучики, украдкой касаясь моих щёк. И этим хмурым утром как никогда хотелось плакать.

А было нельзя.

Дома за слёзы от отца почти со стопроцентной гарантией мне прилетала бы увесистая затрещина. Ладонью по щеке так хлёстко, что в голове начинало звенеть. Конечно, от такого удара лицо всегда опухало и наливалось жаром, но никогда не оставалось следов. Отец умел бить так, чтобы никто не смог увидеть, какое он чудовище.

В академии тоже было непозволительно раскисать, ибо строгие учителя не спускали с рук слабость и с презрением относились к нытикам по жизни. Если ты размазня, то тебе не место в балете.

И перед друзьями я тоже не смела опускать планку. У меня всё нормально. Я нормальная. Такая же, как и все. И точка!

Так и ползла жизнь. Всё в себе, а поговорить не с кем.

— Что-то есть опять хочется, — заскулила с заднего сиденья Адриана, чем выдернула меня из своих тухлых мыслей. Я тут же на автопилоте протянула ей бутылочку воды, что всегда на всякий пожарный лежала в моём рюкзаке.

— На вот. Хочешь есть — попей воды.

— Злая ты, Алинка, — буркнула подруга, но совершенно беззлобно, — теперь понятно, почему тебя так Гофман нахваливает. Потому что ты такая же, как и она — чёрствая как сухарь.

— Танцуй или умри, — выдохнула я дежурную фразу своего любимого, но чрезвычайно строгого педагога и сглотнула, увидев показавшиеся из пелены дождя очертания нашей балетной академии, в которой я с удовольствием училась всему, что она могла мне дать с самого утра и до позднего вечера, так как занятия плотно совмещались в этих стенах с репетициями.

Но мне было мало этой школы. Мне хотелось вырваться из привычной рутины и сбежать в одну из двух столиц, чтобы там выжать из себя на максимум возможностей. Показать, что я не ничтожество, как об этом говорил мне отец. Доказать ему и самой себе, что я стою большего. Всего, чего я только захочу.

— Алинка, ты где опять витаешь? Приехали же, — постучал мне по плечу Антон, и я тепло ему улыбнулась.

— Не выспалась, — пожаловалась я.

— На пенсии поспишь, — поддела меня Адриана, затем взяла за руку, и мы все вместе двинули внутрь академии. Я старалась не обращать внимания, как по-дружески обнял за плечи мою подругу Прохоров. Ах, если бы он хотя бы однажды так обнял меня...

А дальше закрутилось.

Учиться, учиться и ещё раз учиться — фуэте, арабески, аттитюды, батманы, прыжки и вращения. Снова и снова — пока движения не становятся идеальными и отточенными. И всё это через боль, через «не могу», жёстко и порой даже жестоко с одной лишь целью — сделать из тебя Приму.

Но есть минуты для передышки. Вот такие, как сейчас, когда мы все вместе, я, Адриана и Антон, идём в столовую, чтобы перекусить. Прохоров привычно трётся возле моей лучшей подруги, несёт ее сумку и даже с подносом помогает. Как она не видит его почти щенячьей преданности? Уму непостижимо. Как я умудряюсь не показывать, что моё сердце рыдает? Сцена приучила меня всегда держать улыбку на лице.

— Алинка, я нормально выгляжу? — вдруг приосанивается Адриана и жеманно прикусывает кончик нижней губы. Я тут же оглядываюсь по сторонам вместе с Антоном.

Он скисает. Я киваю. Понятно.

— Потрясно, впрочем, как всегда, — выдаю я.

— Тогда я прошу меня извинить, — встаёт она из-за стола и прицеливается, — пойду немного примелькаюсь.

И уходит, пока Антон с тоской смотрит ей вслед.

— Что она нашла в этом Костике, Алин? — морщится парень и качает головой.

— Не знаю, — честно отвечаю я, разглядывая бурю эмоций в голубых глазах парня.

— Тебе он тоже не нравится? — находит во мне благодарного слушателя и стопроцентную поддержку Прохоров.

— Нет. Ты лучше всех, — улыбаюсь ему искренне, и Антон согласно кивает, но смотрит при этом только на Адриану, которая уже уселась за столик своего Костика и принялась с ним о чём-то весело щебетать, забывая о времени и о том, что она была голодна, как зверь.

Это любовь! Она напрочь отшибает все мозги.

— Не знаю, что делать. Может попробовать пригласить её куда-то?

— Попробуй.

— Знаешь, как даже можно сделать?

— М-м? — тяну я и принимаюсь растирать пальцами грудь там, где за рёбрами стонет и скулит ненужное никому сердце.

— Давай я вас на этих выходных обеих куда-то приглашу. Ну, может там в кино или в театр, а ты не придёшь.

— Ты уже делала так пару раз, Антон, а воз и ныне там, — выдыхаю я медленно боль и раздумываю над тем, что будет, если я прямо сейчас признаюсь Прохорову в своей безудержной симпатии? Попрошу дать мне шанс. Подарить хотя бы кусочек призрачной надежды на то, что я перестану быть просто другом.

Что он меня наконец-то разглядит в тени Адрианы Аммо, которая затмила своим сиянием весь его небосвод.

Но я молчу, потому что знаю, что он мне ответит. А ещё я знаю, что почувствую в тот самый момент. Я уже однажды прошла через нечто подобное. И повторять не планировала.

— Блин, Алинка, ну ты же моя лучшая подруга, — вдруг хватается мою ладонь Прохоров и переплетает наши пальцы. Меня топит теплом и пронизывает с ног до головы каким-то сумасшедшим электричеством от этой близости.

Я, кажется, даже дышать забываю, и просто слушаю, как счастливо бабахает в груди моя влюблённая мышца. Для него.

— И что? — хрипло выталкиваю я из себя слова.

— А то! Ты должна придумать, как мне пробиться сквозь эту тотальную френдзону.

— Я должна? — поражённо застываю я.

— Ну не я же? Ты ведь девчонка, ты же знаешь, как в голове у Адрианы всё устроено. Ну, намекни там ей, пролоббируй меня в нужном ключе, а я подхвачу.

Я высвобождаю руку из его хватки и киваю.

— Я попробую.

— Спасибо! Ты лучшая!

— Я знаю, — надеваю на лицо маску беспечности и смеюсь, хотя на самом деле хочется отчаянно выть.

— Я уже говорил, что люблю тебя? — не унимался добивать меня Прохоров.

— Тысячи раз.

И пока Антон был одержим одной лишь Адрианой, она сама по самые гланды утонула в Костике. И к концу учебного дня подошла ко мне, а затем с умным видом поведала:

— Кажется, у меня появилась рабочая идея, как влюбить в себя Мельника.

— И как же?

— Скоро расскажу...

_____

** - Социальная сети, признанная в России экстремистской организацией и запрещена.*

Глава 4 – Запоздалые извинения

Алина

«Скоро» у моей подруги длилось аж целые сутки. О своих планах по завоеванию Мельника она сподобилась мне поведать только на следующий день. И не сказать, что я от её мыслей была в бурном восторге.

— Это плохая идея, — пробурчала я Адриане, падая в шпагат у станка и открывая учебник по химии, пытаясь за одну перемену объять сразу два важных дела.

— А что тебе не нравится? — насупилась подруга и растянулась рядом, закидывая вдобавок ещё и носок к макушке.

— Гофман никогда не поставит вас в пару с Костиком только потому, что тебе приспичило влюбиться в этого парня, — монотонно пояснила я и попыталась углубиться в материал учебника, но мне не дали этого сделать.

— Но если мы будем танцевать вместе, то он меня обязательно заметит! Это же резонно, Бойко!

— Резонно, — согласно кивнула я и всё-таки прекратила попытки постичь характеристики неметаллов.

— Тогда, что не так?

— Адриана, — терпеливо вздохнула я, — ты либо говори как есть, либо не говори вовсе. Ты хочешь, чтобы я уступила тебе роль Золушки на зимнем отчётном концерте?

— Да, хочу.

— И что ты предлагаешь?

— Ты можешь подойти и попросить Гофман дать тебе другую роль, она тебе благоволит, — и подруга сложила руки на груди, смотря на меня как кот из знаменитого мультфильма. И, возможно, меня это разжалобило бы, но я слишком хорошо знала свою подругу, а ещё пообещала себе никогда больше не прогибаться под изменчивый мир.

— В прошлом году тебе нравился Женя Климов.

— Господи, нашла кого вспомнить! — по-настоящему ужаснулась Адриана, но и я не была намерена сдаваться.

— А до него Гоша Скляренко.

— Ой, какой ужас! Я уже и забыла про него. Кстати, его же отчислили, — скривилась подруга, а я всё продолжала припоминать объекты её непомерной любви.

— А перед ним был Толя Полоцкий.

— Бойко, ты сейчас к чему это всё мне говоришь? — надула губу девушка, а я продолжила гнуть свою линию.

— К тому, что через месяц-другой тебе придётся по душе какой-нибудь Вася Пупкин, а ты из-за мимолётной симпатии прогнёшь меня, подставишь себя и ко всему вызовешь недовольство руководителя курса. Оно тебе надо, Адриана?

Та тут же задумалась и принялась привычным жестом жевать нижнюю губу.

— Прогну тебя?

— Да, — кивнула я.

— Это вот так выглядит?

— А как ещё это должно выглядеть? — ровно смотрела я в её глаза и впервые заметила схожесть с её братом двойняшкой. Вот эта манера глядеть навынос — она была у них одна на двоих.

— Чёрт, — почесала переносицу Адриана, — ты права. Я веду себя как настоящая эгоистка.

Я ухмыльнулась, радуясь, что она такая лёгкая в этом принятии себя. С другой бы я просто не сдружилась. Не смогла. До Адрианы на курсе у меня вообще не было подруг как таковых. В этих стенах конкуренция в принципе не располагает к крепкой дружбе. Но с Аммо мы как-то спелись, просто сошлись характерами в правильных местах и сцепились так жёстко, что уже разделиться было сложно.

— А как бы ты поступила на моём месте? — вдруг озадачила меня подруга и я зависла, разглядывая солнечные блики, запутавшиеся в её глазах.

— На твоём? — задумалась я, а затем рассмеялась и выдала: — Ну, я бы подошла к этому Костику и засосала его на полную катушку, а затем бы сказала: «гоу, встречаться».

Адриана тут же захохотала и повалилась на бок, стирая слёзы с глаз.

— Ты думаешь, я такая смелая?

— Я думаю, что ты самая смелая из всех, кого я знаю.

— Да брось!

Мы зависли, смотря друг другу в глаза, а затем подруга сменила градус нашей беседы на отрицательный и почти шё-

потом проговорила так, чтобы никто не смог нас услышать:

— Алинка, ты храбрее меня в тысячи раз. Ты живёшь с отцом-садистом и при этом не ломаешься — я бы так не смогла.

— Тогда мы одинаковые, потому что я тоже никак не могу признаться тому, кто нравится в своих чувствах.

— Мне ты тоже не говоришь, кто это.

— Ты его не знаешь. Он учится не здесь. Так что смысл? — отмахнулась я и в который раз отругала себя за то, что вру лучшей подруге.

— И ты не хочешь попробовать добиться его?

— Он любит другую.

— Ты уверена?

— На все сто.

— Козёл! — фыркнула девушка и участливо меня обняла, а я её в ответ.

На этом наш разговор прервался, потому что прозвенел звонок, и мы обе вспорхнули с пола и понеслись в класс, где с новыми силами принялись познавать своё нелёгкое ремесло. И так до самого вечера. После уроков мы договорились, что ненадолго зайдём в кафе возле академии, где съедим по жирному и вредному эклеру в честь окончания учебной недели, но Адриану для серьёзного разговора притормозила Гофман, а Прохоров отписался, что у него возникли некоторые сложности, поэтому на сегодня он пас.

И я остаюсь одна.

Бреду в раздевалку, снимаю с натруженных конечностей трико и переодеваюсь в привычные джинсы и водолазку. Накидываю сверху ветровку и сую гудящие стопы в потёртые кеды. Жмурюсь от удовольствия просто идти, а не порхать в пуантах на подмостках.

Это такой кайф, что и не описать словами.

Выхожу из академии и ловлю вечерний лучик солнца. Щурюсь и улыбаюсь каким-то своим внутренним радостям, стараясь не думать о том, что уже скоро я вернусь домой, где меня совсем не ждёт родной отец.

Где меня снова обругают ни за что. Просто так, потому что я есть у него, а он у меня.

И скажут, как сильно я похожа на мать, до такой степени, что хочется придушить.

Если на этом акте спектакль в мою честь закончится, то мне повезёт. Если нет, то я вновь огребу очередную звонкую оплеуху и лишь тогда отправлюсь спать. Только так. И никак иначе.

— Хэй!

Я слышу этот окрик, но лишь на периферии сознания, почти полностью поглощённая своими мыслями и ожиданиями. Но меня отчего-то цепляет этот голос, и я вяло поднимаю голову.

А затем замираю.

Передо мной стоит Рафаэль Аммо собственной персоной, вальяжно присев на свой чёрный хищный мотоцикл. Руки

в карманах кожаной куртки. Взгляд исподлобья сверлит насквозь.

— Привет, — чуть дёргает он уголком губ и ведёт вперёд подбородком.

— Привет, — мнусь я и оглядываюсь по сторонам, а затем поясняю, понимая по-своему его внезапное появление здесь. — Адриана у Гофман в заложниках.

— Я не к ней, — отлепляется он от мотоцикла и делает шаг ближе.

А я зачем-то вспоминаю его голые ягодицы, совсем недавно сверкнувшие перед моим взором. Не то чтобы он меня сильно поразил, знаете ли. Я ведь каждый день на тренированных парней в трико лицезрю. Но как-то необычно.

— М-м, — тяну я и делаю шаг назад, планируя распрощаться, но он тут же шокирует меня.

— Я к тебе.

— Оу...

А что ещё сказать? Я не имею ни малейшего понятия, что вдруг этому парню от меня понадобилось.

— Алина, так?

— Так.

— Я — Рафаэль.

— В курсе.

— В кино пойдёшь со мной?

— Что прости? — кажется, немного выпала я из реальности и посмотрела на парня чуть скривившись, будто бы мы

говорили с ним на разных языках.

— Или я могу угостить тебя кофе.

— Зачем?

Я нахмурилась, а он посмотрел на меня и вдруг начал улыбаться. Так открыто, будто бы я невероятно его повеселила. А затем, откинул голову к небу, взлохматил высвеченную почти добела шевелюру и показательно выпустил воздух из лёгких.

— Алина, — вновь посмотрел он на меня своим пронизывающим взглядом и заговорил так, будто бы я была несмышлёным ребенком, — я перед тобой виноват. Запёрся в ванную, увидел, чего не следовало.

— Увидел всё-таки?

— Да, — кивнул он, согласно прикрывая веки.

Вот чёрт!

— Не проблема, Рафаэль, — отмахнулась я, — было бы на что смотреть, верно?

— Нет, — почти жёстко припечатал парень и его желваки явственно заиграли. Но сути его ответа я не уловила, — Алина, я..., — шагнул он ближе, но я тут же отвлеклась, так как услышала позади себя громкий окрик Прохорова.

— Бойко!

— Я тут, сейчас иду, — махнула я Антону, а затем повернулась к Аммо, который всё ещё стоял слишком близко ко мне, — В любом случае, не бери в голову, Рафаэль. Ну перепутал, с кем не бывает. Я не в обиде. Пока.

Кивнула на прощание и припустила к другу, моментально забывая про этот странный визит и даже не слыша, как натужно пригазовывает позади меня спортивный мотоцикл, с пробуксовкой срываясь с места...

Глава 5 – Конфликт ожиданий

Алина

— Это был Аммо, что ли? — вытянул шею Прохоров и принялся глядеть туда, где в быстро надвигающихся сумерках пулей скрылся брат моей лучшей подруги.

— Что ли, — кивнула я.

— За Адрианой, наверное, приезжал?

— Наверное, — пожала я плечами, не зная, как ещё привлечь внимание парня, который всё ещё пялился куда-то мне за спину.

— Блин, какой крутой у него мотоцикл! «Yamaha», кажется, да?

— Я в таком не разбираюсь, Тош, — пожала я плечами, не зная, как поддержать этот совершенно пустой для меня разговор.

— Я его у Аммо, как увидел, так сразу же у отца такой же попросил мне купить, но он категорически мне отказал. Сказал, что мои ноги дороже, чем эта временная прихоть, — предельно недовольно процедил Антон, и его красивое лицо аж перекосило, так он был, очевидно, не рад такому жизненному раскладу.

— Зачем тебе мотоцикл, Тош, у тебя же свой водитель есть? — недоумённо спросила я, но тут же получила исчерпывающий ответ.

— Ты не понимаешь, Алинка. Все крутые пацаны ездят вот на таких навороченных байках. Если бы у меня был подобный, то Адриана сразу бы меня заметила. Кстати, где она?

— Гофман задержала.

— Блин.

Я переступила с ноги на ногу и хотела было уже распрощаться с Прохоровым, но он неожиданно предложил:

— Ну, тогда пошли лопать эклеры вдвоём?

Я ушам своим не поверила. Не знаю, как сдержалась, чтобы радостно не запрыгать на месте, но лишь невозмутимо кивнула.

— Пошли.

Спустя пять минут мы уже сидели за столиком у окна в нашей любимой кофейне, заказав себе по вреднющему, нашпигованному калориями, молочному коктейлю и манговому эклеру. Антон как заведённый принялся болтать о себе, а я его заворожённо слушала. Его жизнь, словно недостижимая звезда, манила меня своим ярким светом. У него было всё, о чём я могла мечтать, и я была не в состоянии постичь того факта, что Прохорову, кажется, было недостаточно всего этого богатства. И я сейчас не про деньги, дорогие шмотки и положение в обществе. У парня была мама. И папа был. И они любили его, даря всё, что было в их силах. А он?

А он сливал старания родителей в унитаз, с какой-то озлобленностью выворачивая их любовь наизнанку и представляя её в виде чего-то опостылевшего и набившего оско-

мину.

— Они просто заботятся о тебе, — попыталась я вставить свои пять копеек, но тут же была решительно осажена.

— Они выносят мне мозги там, где не следует и решают за меня то, на что уже не имеют права. Я взрослый, мне не нужно подтирать зад, я уже это умею, Бойко. Мне просто необходима свобода от их гиперопеки. Хватило и того, что именно из-за них парни на улице всегда считали меня придурком в трико.

— Ты про Аммо?

— И про него тоже. Пока я разучивал батманы и приседал у станка, как заправской олень, Раф гонял по склонам на сноуборде и брал призовые места на всевозможных конкурсах. А теперь смотри, — и он зачем-то сунул мне свой телефон под нос, где была открыта страница, заполненная под завязку фотографиями и видео Аммо. По всей видимости, сейчас брат моей подруги занимался плаванием и довольно успешно. Ну и что?

— Антон, — не стала я впитывать ненужную для себя информацию и подняла глаза на парня, — ты грузишься из-за пустяков.

Я хотела его как-то подбодрить и утешить, но добилась только обратного.

— Я так и знал, что ты не поймёшь меня, — надулся Прохоров и отвернулся, следя за садящимися на город сумерками.

Разговор уверенно скис. И сколько бы я ни пыталась его реанимировать, у меня так и ничего не получилось. В итоге пришлось неловко замолчать, не зная, чем ещё я могла бы расшевелить парня, сидящего напротив. Он мне нравился улыбчивым шалопаем, но этот Антон, который искал причину, чтобы хоть на кого-то подуться — мне он был незнаком и чужд.

Спустя ещё четверть часа наконец-то появилась Адриана. Измученная и потрёпанная, она затолкала в себя, кажется, не жуя целый эклер, и постановила, что ненавидит балет и всё, что с ним связано. Они дали с Прохоровым друг другу пять, а я почувствовала себя в этой компании как никогда лишней.

Ещё и СМС-сообщение не заставило себя долго ждать. Это был Антон. И просил он у меня хоть и смертельно обидные, но вполне ожидаемые вещи.

«Бойко, будь другом, оставь нас вдвоём. Ну, пожалуйста».

И пара смайликов: один — сердечком, второй — со сложенными в мольбе ладонями.

Вот тебе и лучший друг.

Спустя ещё десять минут я, распрощавшись с ребятами, уже ехала в автобусе, а по моей щеке ползла слеза. Ведь я чувствовала себя абсолютно никому ненужной в этом огромном и чужом мире. Хотя, чему удивляться, если даже самому родному на свете человеку я оказалась мимо кассы?

Дома была спустя сорок минут. Квартира встретила меня почти невыносимым запахом курева и сквозняком из-за открытых настежь окон. Отец где-то в своей комнате громко матерился.

— Алина, мать твою, где мои тёплые носки?

— Сейчас, пап, — кинулась я к нему и тут же указала на нужный кофр в шифоньере.

Секунда — а я уже испуганно присела, прикрывая лицо руками, потому что мужчина, с которым я состояла в самом близком кровном родстве, вдруг поднял руку и резко на меня замахнулся, источая тошнотворные пары перегара.

— Ещё раз заставишь меня заниматься раскопками носков в собственной квартире, и я тебя так разукрашу, что сценический грим не понадобится на следующее выступление. Ты поняла, меня?

— Я поняла, пап.

— Всё. Исчезни, — и я тут же скрылась в своей комнате, боясь лишний раз шевельнуться, хотя хотелось есть и в туалет. Но я наизусть выучила характер собственного отца, когда он уходил в запой, и знала, что сейчас не самое лучшее время для прогулок по квартире. Огребу.

Полчаса минуло, и наконец-то я услышала крик:

— Я с мужиками на рыбалку до понедельника, — и входная дверь громко хлопнула, давая мне понять, что я осталась совсем одна.

Прошла на кухню, заглянула в холодильник, где стояла

полупустая кастрюля с вермишелевым супом, полкочана капусты и початый кусок сливочного масла. Всё. И я знала — это он нарочно так. Мы не бедствовали и у отца были деньги, но ему, кажется, доставляло удовольствие вот так надо мной глумиться.

Вот тебе и родной отец.

Вздохнула и посмотрела на баланс карточки, на которую мне приходила скудная стипендия. Блин, ну вот зачем я ела этот дурацкий эклер? Сейчас могла бы купить картошки и нажарить себе целую сковороду, со сметанным салатом и зеленью.

Дура.

Но долго зависать в пространстве и думать, как же быть мне не пришлось. В моей спальне ожил телефон, оповещая о входящем сообщении. Это была Адриана.

«Как ты?»

«Нормально», — ответила я.

«Наконец-то трезвый?»

«Нет, уехал на рыбалку».

«Надолго?»

«До понедельника».

«Воу! Тогда, может, ко мне?»

И пока я гадала, чтобы придумать и соврать, дабы более не появляться на территории Рафаэля Аммо, моя подруга уже решила всё за меня. Одним лишь сообщением.

«У тебя двадцать минут. Собирайся!»

Чёрт...

Глава 6 – Пигалица

Алина

— Привет,

— Привет. А это что на тебе? — хмуро глядит на меня подруга.

— Пижама.

— Я и без тебя разгадала в этом тряпье с единорогами пижаму, Бойко. Вопрос: почему ты в ней?

— Слушай, Адриана...

— Ой, не начинай, — закатила она глаза, — выбирай, или мы ночуем с тобой вместе у тебя, или делаем это у меня.

— Но...

— Мамы сегодня снова нет. Я думаю, что у неё появился любовник и она, дабы не травмировать наш ещё недозревший внутренний мир, пока будет придумывать разную чушь по типу командировок или прочей белиберды. Но я-то слышала, как она пару раз говорила с каким-то «милым» и «дорогим» Борисом.

— Ты против?

— Я? Пф-ф, нет, конечно. Надо быть конченым эгоистом, чтобы не желать собственному родителю счастья в личной жизни. Тем более, это недальновидно. Влюблённая мать равно меньше проблем и надзора для меня.

— Ладно. Но твой брат...

— Да что он тебе дался-то? Ну, есть и есть, подумаешь, — как-то даже с психом произнесла подруга. — Раф всё равно не будет с нами никак пересекаться.

— Да как же, — в сердцах бросила я, но тут же захлопнула рот, понимая, что сболтнула лишнего.

— Что-то случилось, Алин? — озабоченно уставилась на меня девушка, но я лишь не моргая смотрела на неё и отрицательно качнула головой, стараясь не выдать своё голимое враньё.

— Да просто он есть. Ты же не будешь отрицать этот факт?

— Алин, поехали, а? Позовём Прохорова, посмотрим какой-нибудь зачётный фильм, поболтаем, погоняем в настолки, м-м?

Если бы она с этого и начала, то я бы ускорялась намного быстрее. А сейчас оставалась только вроде как задумчиво чесать макушку и делать вид, что я действительно раздумываю над этой перспективой.

— Что ж...

— Бойко, не беси. Неси свою тощую задницу комнату и собирайся.

— Ладно, — и я, делая вид, что неохотно, но всё же поплелась по указанному адресу, оставляя подругу стоять в прихожей, и немного стесняясь своего не совсем презентабельного жилища.

Всё-таки особым богатством наша семья не отличалась. Свежим обоям отец всегда предпочитал смартфон новой мо-

дели, палёные джинсы от Гуччи и фанфурик с горячительным. Пережитки прошлой жизни брали своё, да он этого никогда и не скрывал. Желание быть больше, чем он есть на самом деле, брало своё и спустя столько лет.

Пьющие богемные интеллигенты они такие — в дугу, но пальцы гнут, обмотавши шею боа и отставив мизинец в сторону.

Но сейчас не об этом.

Понакидав в рюкзак нужных вещей и прихватив с собой зубную щётку, я вышла в коридор и встала, как вкопанная, завидев Адриану, застывшую у холодильника. Она смотрела в его нутро и лицо её было похоже на каменную маску.

— Ну он и тварь у тебя, — оскалившись прошипела девушка и подняла на меня глаза, полные негодования.

— Закрой, — короткой рубанула я. Мне в тот момент казалось, что Адриана смотрит не в мой холодильник, а прямо мне в душу, разглядывая пристально каждый грязный секрет из прошлого, который я ревностно хранила под слоем пепла из сгоревших детских надежд и чаяний.

— Но, Алина!

— Это не твоё дело.

— Что?

— И не моё. Пусть это останется на его совести.

— Но как ты можешь?

— Молча. За это реже прилетает. Тебе подобное не знакомо, вот и не суйся туда.

И я уж было хотела плюнуть на всё и вернуться в свою комнату с намерением никуда не ехать, но Адриана знала меня как облупленную, а потому имела чёткое понятие куда и с какой силой на меня давить.

— Прости. Я просто волнуюсь я тебя. И мне так за тебя обидно. Ты ведь ничем всё это не заслужила, Алина.

Я замерла с прямой спиной, словно бы кол проглотила, но кивнула.

— Это просто уродливая человеческая натура, Адриана. Высший кайф — издеваться над ребёнком или тем, кто заведомо не может дать отпор. И знать, что тебе за это ничего не будет. Люди хотят быть богами, будучи всего лишь трусливыми чудовищами. Но и приструнить их невозможно. Они способны либо вот так вот гадить слабым, либо пресмыкаться перед более сильным.

— Самое ужасное, что ты права.

— Это всего лишь жизнь.

— Мне страшно, знаешь? Ты ничего не рассказываешь, а я спросить боюсь, откуда в тебе в твои годы столько мудрости. Я будто бы дружу с восьмидесятилетней старушкой.

— Только никому об этом не говори, — улыбнулась я, а Адриана рассмеялась, и я вслед за ней. Мы отпустили ситуацию, но я вновь лишилась одного кирпичика от стены, которой я обнесла свою душу, пряча её внутренности от внешнего мира.

И снова почувствовала себя голой. И никому не нужной,

как тогда — семь лет назад.

Пришлось вновь мысленно отряхиваться. Моя история не про сладкую вату. У Алины Бойко с этим, увы, не задалось.

— Да уж, не повезло нам с отцами, — зачем-то вновь подняла ненавистную мне тему Адриана, словно мутный ил со дна. — Твой мудак. Мой тоже, но вдобавок, ещё и в тюрьме сидит.

— Зато у тебя мама классная.

— Учитывая, что она же его туда и засадила? Ну не знаю...

— Идеальных людей не бывает, — пожала я плечами.

— Хэй! А что насчёт меня?

— Туше! — рассмеялись мы обе и вышли напротив дома Адрианы перед высоким кованым забором, по периметру утыканным видеонаблюдением.

Мы вошли во двор и по моему позвоночнику пробежали ледяная волна — я увидела стоящий на подножке знакомый чёрный мотоцикл с хищными очертаниями. Сглотнула вязкий ком, забивший глотку. Не знаю, но моё подсознание вопило мне, что от брата Адрианы лучше держаться подальше.

Почему? Ну вы же не задаётесь таким вопросом, когда шагаете в клетку к голодному льву.

Но делать было нечего и мне пришлось идти дальше. А затем и замереть каменным изваянием в тот момент, когда лучшая подруга открыла входную дверь. Я снова ждала чего-то эдакого от её брата, но в доме стояла почти звенящая

тишина.

— Я голодная. Пошли набьём желудок чем-нибудь вредным и ужасно калорийным, м-м?

— В среду взвешивание, — с сомнением прикусила я нижнюю губу.

— Да и гори оно синим пламенем.

Через минут пятнадцать мы уже уплетали на кухне самодельные бургеры вприкуску с халапеньо и запивали всё это дело холодной колой. Видела бы это безобразие Гофман, то выклевала бы мне печень в кратчайшие сроки. А так я только закатывала глаза от кайфа и продолжала самозабвенно жевать.

До тех пор, пока на лестнице я вдруг не услышала женский смех и неразборчивый, но уже такой знакомый тягучий и с хрипотцой мужской голос.

Всего пара минут, и мы уже не одни: Рафаэль Аммо собственной персоной замирает в проеме кухни и сверлит нас своим тяжелым взглядом. Я извиняюсь и, не выдерживая эту ментальную дрель, вворачивающуюся в мою черепную коробку, встаю и выхожу в уборную. Где замираю и принимаюсь умываться ледяной водой.

Чёрт, это не парень — это ходячий вызов моей нервной системе. Но не успеваю я вернуться, как нечаянно напарываюсь на разговор, который ведут брат и сестра. И он обо мне. Не могу с собой ничего поделать и позорно подслушиваю.

— Че за пигалица и зачем ты её таскаешь в наш дом?

— Подруга моя. Лучшая, Раф! Хэй, ты слышишь? Не вздумай провернуть с ней что-нибудь в своём стиле, ты понял?

— В моём стиле? Не понимаю, о чём ты, сестрица, — ржёт этот невозможный тип.

— Йоу, бэйба, я тебя уже имел, повторить желания не наблюдается, — Адриана мастерски передразнивает тягучую манеру общения своего брата.

— Расслабь булки, Ади. Твои тощие подружки из академии меня не вставляют. Тем более, блондинки.

— Вот и прекрасно. Верный настрой, Раф. Потому что она тоже на тебя не клюнет.

— Это вызов?

— Это констатация факта. Алинка влюблена в другого парня. Сильно и по-настоящему. Понял?

— Да хоть сразу в двух, мне откровенно до звезды.

— Вот и славно...

Чёрт!

— Хэй, братишка? — я уж было решила, что перемывать мне кости закончили, но нет.

— Внимательно, Ади.

— Тебя никогда не интересовало, кого я таскаю к нам в дом.

— Прохоров — ну такое.

— Не съезжай с темы.

— Предъявляй что-то конкретное, а не дикую дичь, — по

голосу Рафаэля было слышно, что он удаляется.

— Ты куда? Я не закончила!

— Ха-ха...

— Болван!

— Я тоже тебя люблю, сестричка!

— Раф!

— Сегодня не жди. Переночую в городе. Бывай.

Я ещё с минуту постояла вне зоны видимости и только после того, как в доме хлопнула входная дверь, решила показаться на глаза подруге, которая всё ещё сидела за кухонным уголком и устало тёрла веки.

— Ты всё слышала, да? — почувствовала моё появление Адриана, и я решила не юлить.

— Да.

— Забей на Рафаэля.

— Уже, — соврала я.

— Да и он сегодня не вернётся.

— Мне всё равно, если что, — деланно равнодушно передёрнула я плечами. Всё-таки не очень приятно было стать предметом чужого обсуждения, да ещё и за глаза. — Но если надо уехать, то без проблем. Ты только скажи, я всё понимаю.

— Да он просто психанул, что мы снова нарушили его единение с бесконечным вечным.

— Ты имеешь в виду ту самую пятиминутку? — вернулась я на своё прежнее место и взяла в руки недоеденный бургер.

— В точку.

— Вы не близки, да? — рискнула ступить я на тонкий лёд личной жизни Адрианы.

— Раф считает меня дурочкой, — как-то слишком болезненно выдавила из себя подруга.

— Почему? — искренне удивилась я.

— Потому что я — это я. Девочка, у которой семь пятниц на неделе. Сегодня я хочу быть балериной, а завтра принцессой. Во вторникмне нравится Женя Климов, а в пятницу Костя Мельник. Я сама несерьёзность во плоти и друзья у меня были вечно такими же. Тот же Прохоров, который только и делает, что заглядывает в рот моему брату и пытается быть на него похожим. Бьюсь об заклад, что Антон общается со мной, только чтобы сдружиться с Рафом.

— Это не так, — возразила я, но тут же захлопнула рот.

— Да уже не важно так или нет. Просто я знаю, почему вдруг начались вопросы на пустом месте.

— И? — спросила я, и ледяные мурашки медленно, но неотвратимо поползли по моему позвоночнику, впиваясь прямо в затылок.

— Потому что ты не похожа на тех, с кем я общалась раньше. И вообще, ты моя полная противоположность.

— Глупости, — фыркнула я.

— А вот и нет. Ты знаешь, чего хочешь, Алина. А я так — стрекоза.

— Ну прямо грешница, — закатила я глаза и покачала

головой.

— Нет, но..., — и на этом моменте наш непростой разговор прервал входящий звонок, поступивший на мобильный Адрианы.

Она вспорхнула с высокого табурета и показала мне экран, на котором было написано, что звонит «мамулечка». Подруга вышла из кухни, чтобы переговорить с родительницей, а я сама краем глаза заметила движение за окном и повернулась, замечая, статную фигуру Рафаэля Аммо и его спутницы.

Не знаю, зачем встала и подошла ближе. Не понимаю, для чего одёрнула тонкий тюль и уставилась на то, как смачно парень шлёпнул девчонку по заднице, а затем протянул ей шлем. И уж тем более не поддаётся логике то, что я продолжила глядеть, когда неожиданно брат моей подруги потянул на себя девушку и резко впился в её губы.

Одна его рука жёстко удерживала брюнетку за волосы. Вторая отпустила шлем, и тот упал на землю, а затем Аммо принялся неторопливо ощупывать сочную фигурку, пока не добрался до груди.

У меня даже дыхание перехватило от такой вольности.

И я уж было думала, что девушка оттолкнёт парня и что-то ему выскажет на такие наглые поползновения до её тела. Но куда там? Она лишь покорно выгнулась в его руках и запустила свои пальцы в его волосы, прижимаясь к Рафаэлю на максимум близко.

Капец...

А уже в следующую минуту Аммо отпустил девушку, сел на мотоцикл, дождался, пока его спутница усядется позади него, и вдарил по газам. Но, прежде чем сделать это, вдруг всего на секунду поднял свой прищуренный взгляд и буквально вонзился им в меня.

Я даже дышать забыла как. И от окна пулей отринула, задёргивая штору и снова плюхаясь на свой табурет, уговаривая сердце не выламывать мне рёбра.

— Свалили? — появилась вновь на кухне Адриана.

— Ага, — кивнула я и попыталась спрятать пылающее лицо.

— Что?

— Да лижутся, — отмахнулась я, но подруга только рассмеялась и плюхнулась рядом со мной, заглядывая в глаза.

— А ты что же ни разу?

— Так, не с кем, — развела я руками.

— Ну ты даёшь, Бойко!

— Перестань. Я по любви хочу, а не ради практики, — буркнула я и снова вонзила зубы в уже застывший гамбургер.

— Ну и дура!

— Знаю, — пожала я плечами.

— Ладно, пошли смотреть твоего Суэйзи.

— «Грязные танцы»?

— Да хоть бы и их.

Настроение сражу же поднялось до максимума, а всякие Рафаэли Аммо, которые считали меня пигалицей, забылись и отправились пылиться на полку подсознания. На горизонте маячил прекрасный вечер наедине с лучшей подругой.

Ну что ещё для счастья-то надо?

Разве что Прохоров.

Вот только вместо Антона на пороге дома появился тот, кто по собственным же словам возвращаться и не собирался.

Рафаэль Аммо нарисовался на пороге гостиной неожиданно, всё ещё в кожаной куртке, футболке и потёртых на коленях джинсах. Весь в тотальном чёрном. Оглядел нас хмуро и скрылся с глаз. А спустя всего лишь четверть часа появился с мокрыми волосами, растянутой майке-алкоголичке, которая практически не скрывала его тренированное и идеально вылепленное тело, и домашних штанах. Босой.

В руках альбом и пара карандашей.

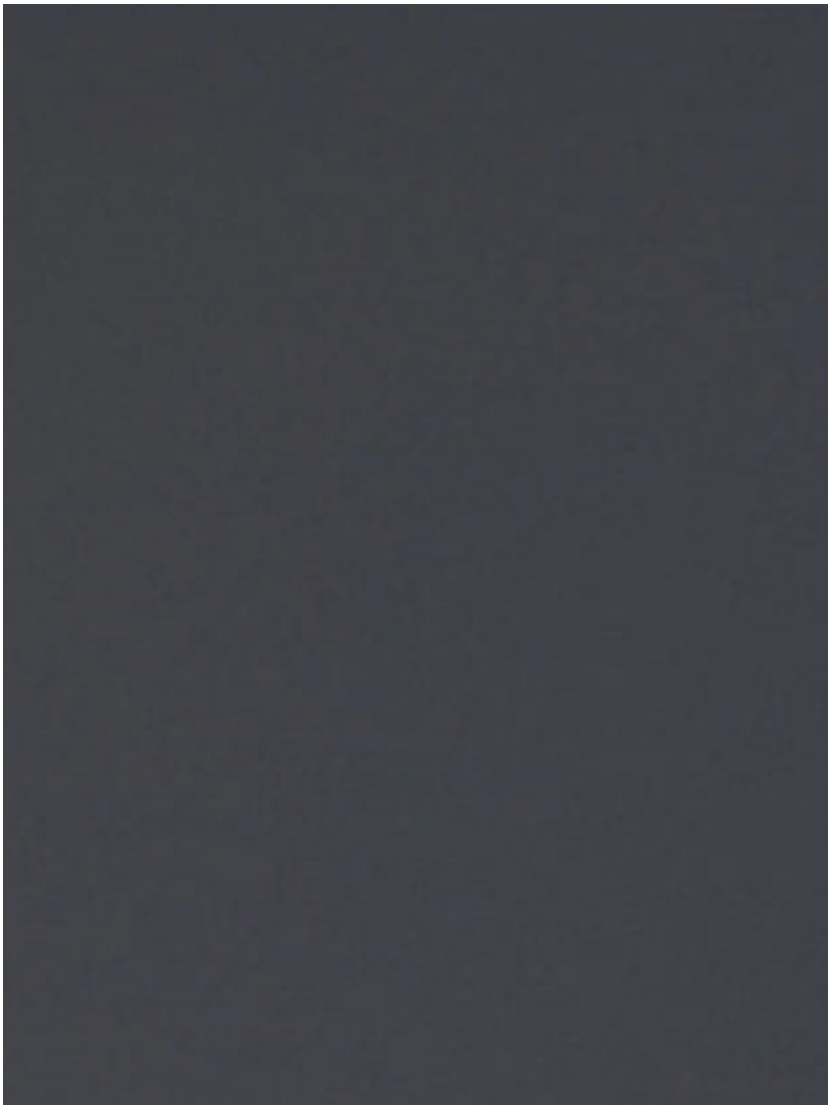
Развалился напротив нас на огромном диване и буквально высверлил ментальную дырку в моём черепе своим пронизывающим взглядом. И этот взгляд говорил только об одном.

Я ему не нравлюсь. Категорически.

Визуализация

Умница и красавица - Алина Бойко

И наш "безобидный" мальчик-зайчик - Рафаэль Аммо



Визуализация

Так видит наших героев нейросеть.
Итак, начнем с *Алины Бойко*:

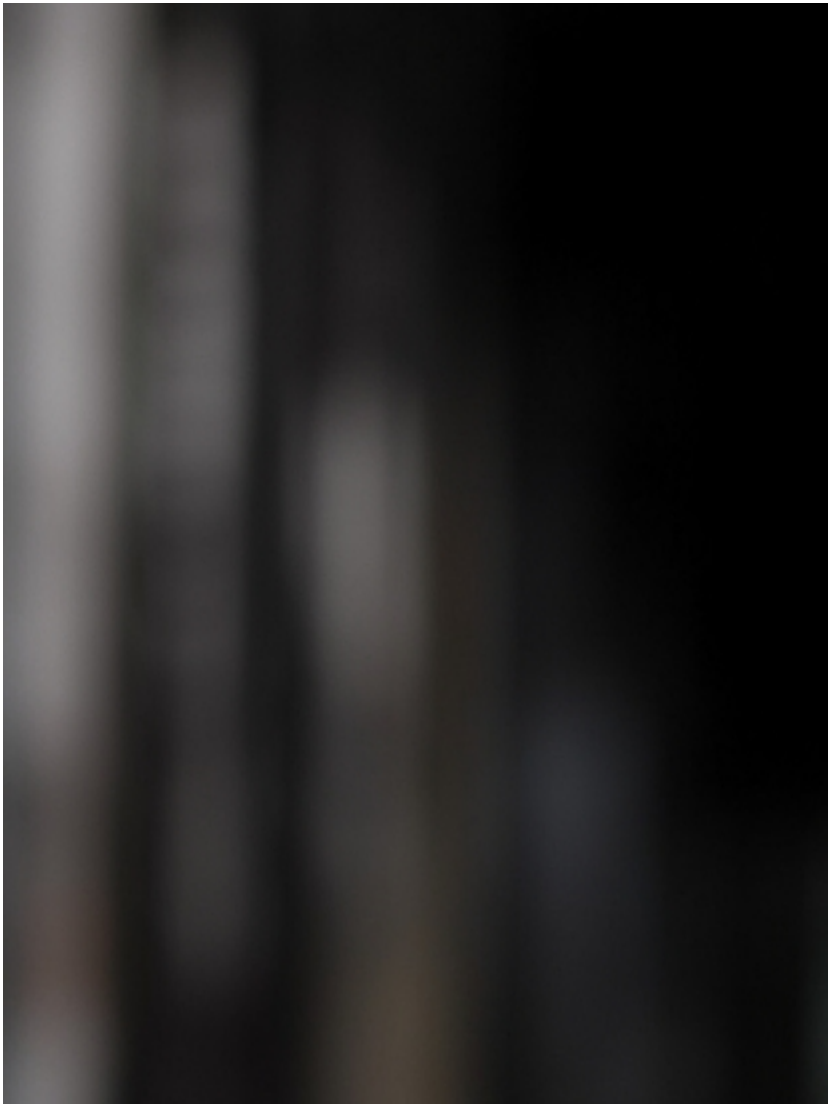
А это ее лучшая подруга - *Адриана Аммо*:

И наконец-то их общий закадычный друг - *Антон Прохоров*:

*Рафаэля Аммо*нейросеть рисовать отказывается. Говорит, что он и так офигенный))

Визуализация

Нейросеть все-таки выдала мне Рафика)) У-у-у-у-и-и-и!!!



Ну что, какой Аммо на ваш взгляд лучше?

Глава 7 – Всё ясно

Алина

Я не знаю почему, но по моему позвоночнику ползут мурашки. Липкие. Наэлектризованные. По-настоящему жуткие. Я не в силах сосредоточиться на своём любимом Патрике Суэйзи и его романтичных подкатах к партнёрше по фильму от слова «совсем». И даже несмотря на то, что я видела эту киноленту тысячи раз, сейчас я не в состоянии поймать суть мелькающих передо мной кадров.

Потому что я загривком чувствую чересчур пристальный взгляд, который буквально высверливает во мне ментальные дыры. И я от него вся словно решето. А виновник всему этому был только один — Рафаэль Аммо.

Отвлекаюсь от экрана, на котором мелькают, сменяя друг друга, кадры фильма, и украдкой слежу за разнеженной фигурой брата лучшей подруги. Он сидит, развалившись на диване: одна нога подобрана под себя, другая согнута в колене. Ну прям стопроцентный сибарит, если бы не правая рука, которая плавно двигалась по листу бумаги, удерживая карандаш.

Наверное, набрасывает очередную картинку, дабы разрисовать своё и так уже разрисованное тело.

— Ты же хотел остаться в городе, Раф, — всё-таки цепанула брата Адриана.

— И? – не поднимая глаз от своего альбома, подал голос парень.

— Чего не остался-то?

— Передумал.

— М-м...

Пока длился этот бессмысленный обмен словами, я лишь металась взглядом между братом и сестрой.

— Мама сетовала, что ты не берёшь от неё трубку.

— Сетовала? Серьёзно, Ади, ты наконец-то достала с полки толковый словарь Ожегова и применила его по назначению?

— Придурок! — фыркнула подруга, но тут же хрюкнула и рассмеялась. — Завязывай меня хулить.

— Замолчи, — закатил глаза парень и тоже скатился в непонятное мне веселье. — Иначе я реально поверю в то, что ты запомнила значение этого слова.

— И всё же, Раф?

— Смотри на экран, Адриана, — в моменте стал серьёзным её брат и мазанул по мне колючим взглядом, о который я тут же порезалась, словно бы об острую бритву.

— Грубиян.

Ещё минут двадцать мы все делали вид, что смотрим «Грязные танцы». Адриана закидывала в себя яблочные чипсы, а я и кусочка не могла проглотить. Сидела рядом прямая как жердь и чувствовала себя неуютно как никогда. До такой степени, что ладони вспотели, а пальцы начали мелко подра-

гивать.

И всё это только потому, что я чувствовала волны негативной энергии, источаемой Рафаэлем Аммо, которая мощным потоком была направлена прямо на меня.

Я даже посмела резко повернуться и глянуть на парня, дабы проверить свои догадки, и тут же со всего маха напоролась на пристальное внимание его глаз.

И как в пропасть полетела головой вниз.

Вопросительно приподняла брови, но в ответ получила только обманчиво ласковую улыбку, после которой парень медленно облизнулся, сверкнув на мгновение штангой своего пирсинга на языке.

Уф...

Сердце затрепыхалось где-то в горле. Волосы на макушке дыбом встали. И по венам ток. Ощущения не из приятных, словно бы я была подопытной мышью, над которой решил поставить свой очередной безумный эксперимент сумасшедший профессор.

— Ой, Тоша звонит, — нажала на паузу фильм Адриана, а затем переведу на меня взгляд, — Алин, принеси ещё минералки из холодильника, пожалуйста. Ладно?

— Без проблем, — кивнула я и с завистью посмотрела на её телефон, на экране которого светилось улыбающееся лицо Прохорова. Мне он почти никогда не набирал сам, разве что только не мог дозвониться до Адрианы.

Обидно.

Но я пропустила через себя этот болезненный тычок судьбы и потопала на кухню, напрочь забывая о том, что в комнате помимо нас был ещё и брат моей подруги. Всё для меня отходило на второй план, когда в мою жизнь врывался Антон. Его тотальная френдзона была намного важнее того, что меня невзлюбил какой-то там татуированный парень с пирсингом по всему телу. Подумаешь…

На кухне открыла огромный трёхкамерный холодильник и принялась высматривать бутылки с минералкой и всё-таки нашла их на самой высокой полке. Потянулась, прихватила парочку и закрыла створку. И тут же чуть не выпустила свою ношу из рук.

Замерла поражённо. И вообще не знаю, как с перепугу не вскрикнула. Лишь вспыхнула с головы до ног, чувствуя, как щеки заливает горячая краска.

Потому что сразу за холодильником стоял Рафаэль Аммо собственной персоной и глядел на меня пристально, но насмешливо, сложив жилистые руки на груди.

— Ты... меня напугал, — прошептала я, потому что голос отчего-то совершенно осип и сбился.

— Я не этого хотел, — от его глаз-углей, выжигающих во мне страшные ожоги, мне становилось максимально некомфортно. Но что я могла?

Я уж было собралась спросить, а чего он хотел, но вовремя приказала себе молчать. Только стояла и пялилась на парня, разглядывая его необычный цвет глаз: тёмно-синие по краю,

голубые в середине и с жёлтой-коричневой окантовкой вокруг зрачка. Странно, в прошлый раз эти глаза мне показались зелёными, словно штормовое море.

Но уже через секунду я забыла, о чём думала и тихо пискнула, потому что Рафаэль Аммо вдруг резко подался на меня, а затем подхватил под задницу и в одно движение усадил на кухонную столешницу, сам располагаясь между моих разведённых ног.

Глаза в глаза.

И сердце биться перестало…

Я уж было хотела категорически возмутиться этим совершенно нелогичным поступком с его стороны, но Рафаэль так заразительно улыбнулся мне, демонстрируя идеально белоснежный оскал, что я на мгновение зависла, разглядывая его так резко преобразившееся лицо. А затем он снова дёрнул моё внимание на себя, спрашивая:

— Ты сколько весишь, малая?

Малая...

И я как на американских горках сверху и резко вниз. Уж не знаю, какие цели преследовал этот во всех смыслах странный парень, но я ему не какая-нибудь там безмозглая пятиминутка. И вот так вот таскать себя по горизонтальным поверхностям не позволю.

Ишь, приучили.

— Отпусти меня, — совершенно проигнорировала я его

вопрос и рванулась прочь, но меня ещё жёстче вколотили в горячее мужское тело.

Сильно.

— Рано. Давай побеседуем.

— О чём?

— Тем много.

— Да неужели? — и я вздрогнула, потому что кончики его пальцев чуть задрали на мне подол моей юбки и обожгли обнажённую кожу бедра.

Господи боже…

— Да.

— Назови хотя бы одну.

— Ты подсматривала.

Блин...

Но, а что ответить, когда тебя поймали с поличным? Осталось только закатить глаза и скривиться, не скрывая свои истинные эмоции.

— Согласна, это я зря.

— Что, не понравилось? — а я смотрю на него настороженно и зачем-то замечаю, как ритмично бьётся венка на его шее.

— Это было отвратительно! — рублю я жёстко, но этому персонажу, что в лоб, что по лбу.

— О чём ты, малая? О том, как я целовал ту девчонку?

— Именно, — вспоминаю я, как он тискал молодое тело в своих руках. Так, будто бы имел на это полное право или

вообще не считал возможным спрашивать на то позволение. Зачем, да?

Он же Рафаэль Аммо. Не парень – мечта!

— А что не так? Я недостаточно глубоко засунул язык в её рот или где-то неправильно ласкал в процессе её зачётные формы, м-м?

Обалдеть. Сколько гонора!

— Перестань! — меня ведёт от этих самоуверенных речей. Зачем он говорит их мне? Чтобы смутить? Чтобы показать мне, чего я на самом деле стою? Или унизить?

Боже...

— Оу, а может, ты просто хотела занять её место?

Ну точно! Чуть не приказала долго жить, мечтая об этом сомнительном удовольствии. А если так, то чего скрывать? Пусть знает!

— Лучше застрелиться! — на полном серьёзе выдохнула я и отшатнулась, потому что губы Рафаэля неожиданно оказались чересчур близко от моих. В нос резко ударил аромат его тела и придавил своей силой рецепторы: свежий, но притом сладкий, с нотами тропических фруктов и специй.

И этого было достаточно, чтобы мой негатив вырос до небес.

— Нет, малая, лучше сделать так, чтобы ты сама меня попросила поцеловать тебя...

Я даже икнула от такого заявления. Распахнула глаза и посмотрела на него непонимающе.

Он что, реально сейчас это сказал? Смешно…

— Тебя?

— Меня.

— А зачем это мне? — повела плечом и добавила. — Да и тебе зачем?

Глупости какие...

А дальше я с силой оттолкнула от себя парня и скатилась со столешницы, отряхиваясь, словно бы по мне ползали тучи мелких и кусачих насекомых. Нет — эти всего лишь на меня с приличной долей неприязни смотрел Рафаэль Аммо, недовольно поджимая губы.

— Алина, — дёрнул он меня за локоть, но я только на предельный максимум строго зыркнула на него и поспешила припечатать неодобрением.

— Ты меня с кем-то перепутал, Рафаэль.

— Неужели?

— Да.

— Наверное, мне надо пояснить.

— Наверное, не надо, — резко прервала я его поток сознания, уже примерно понимая, куда он свернёт.

— В чём проблема-то?

— Я уеду, если тебя так припекло, — почти отшатнулась я, когда парень вновь резко подался на меня и чуть было не припёр к кухонному острову.

— Припекло..., — как-то неоднозначно повторил он за мной и стих, шаря по моему лицу взглядом так, будто бы ви-

дел впервые. Въедливо. Пристально. Навынос.

Ну, хватит с меня!

Дёрнулась, вырываясь из его хватки и позорно принялась уносить ноги с кухни, чувствуя, как между лопатками мне жгло от его взгляда.

Боже, ну что за неприятный тип, а?

И как он может быть братом моей милой и самой лучшей на свете Адрианы?

То неведомо...

— Сейчас Антон придёт, — провозгласила подруга, стоило мне только вновь появиться в гостиной.

— Да? — охнула я, не в силах пережить мощный прилив радости на фоне явного облегчения после стычки с Рафаэлем.

— Минут пять и будет тут, — кивнула Адриана.

— Круто! — протянула я ей минералку и чуть ли не в ладоши захлопала.

И уже через четверть часа мы сидели в комнате с пополнением. На телеке мелькали финальные кадры «Грязных танцев», а Антон на повышенных тонах и предельно горделиво хвастался тем, что почти уговорил отца на мотоцикл. И не какой-то там обычный, а самый крутой и дорогостоящий, на котором кататься будет одно удовольствие.

— Раф, скажи же, что этот самая крутая сейчас модель на рынке? Пушка, да?

— Петарда, — флегматично потянул Аммо и чуть дёрнул уголком рта, не скрывая того, что его нервирует этот бесцельный разговор.

— Вот, видишь, Адриана. Самая крутая, — сиял, словно начищенный медяк Прохоров. — Я тебя прокачу на нём с ветерком, да?

— Да, Тош, — кивала моя подруга, переписываясь при этом с кем-то в мессенджере.

Через несколько секунд показала мне экран. На связи был её Костик. Всё, тушите свет — Адриану мы потеряли. И сколько бы Прохоров не пытался корчить из себя крутого перца на таком же крутом мотоцикле, моя лучшая подруга только условно была в этой комнате и участвовала в разговоре.

Ей было абсолютно не до нас.

И только я одна смотрела на Антона и почти ничего слушала и не слышала. Я просто рада была видеть Прохорова рядом и смотреть в его сияющие счастьем глаза.

Пока совершенно случайно не выхватила прищуренный взгляд Рафаэля Аммо, который смотрел на Антона с неприкрытой, почти выжигающей нутро враждебностью. Спустя секунду брат моей подруги больно зацепил глазами и меня. Порывисто поднялся на ноги и покинул комнату, на прощанье кинув непонятное:

— Ясно всё...

И наконец-то исчез.

Глава 8 – Всё так же…

Рафаэль

Два месяца спустя…

Ладно. Согласен. Это я переборщил.

Раньше я кривился, когда видел профили девчонок, у которых было минимум миллиона полтора однотипных селфи, дебильных фотографий в раскоряку и других сомнительных по удобству позах, лишь бы выгодно подчеркнуть свой зад, перед или умение дуть губы не хуже уток.

У НЕЁ не было ни одной. И это бесило.

Лишь один единственный снимок издалека, где ОНА была на сцене в балетной пачке. Лица не видно. Зато от фигурки этой тоненькой штырит на раз. До сих пор.

Кошмар какой-то...

— Кто это?

Лениво заблокировал телефон и неспешно убрал его в карман, надевая на лицо маску скучающего засранца. А затем поднял глаза на своего лучшего друга — Ярослава Басова.

Я его, придурка, очень любил. Наверное, как брата, которого у меня никогда не было. Но его эта привычка совать нос туда, куда не просят, выносила невероятно.

— Телка, — вяло потянул я, уговаривая себя переключиться из этого состояния, где в груди, качающая кровь,

мышца раздражающе до невозможности пыталась убиться о рёбра.

— Я ее знаю?

— Возможно, — пожал плечам и глянул ровно, не моргая. Конечно, можно пока было не волноваться, мой друг уже нашел себе жертву для жестоких игр и плотно вцепился в ее шею зубами. Но я предпочитал избегать лишних рисков.

— Покажи.

— Нет, — рубанул я и с минуту выдерживал его пристальный взгляд.

— Ты опять, что ли, мозг компостировал моей Истоминой? — закатил глаза друг и недовольно скривился. И черт его разберешь, то ли там у него, вместо сердца зияла черная дыра, то ли реально что-то билось.

Я не верил в последнее от слова «совсем», но и не наседал. Иначе тупо было бы скучно жить. А тут такой спектакль по заявкам «Колокольчик» наметился. Чего не посмотреть?

— Мозг компостируешь ей ты, Яр. Не перекладывай проблемы с больной головы на здоровую, — поводил я в воздухе ладонью, будто бы неожиданно дурно запахло.

— Я не компостирую, — рассмеялся Басов, — я виртуозно наваливаю лапши. Чувствуешь разницу?

— Нет. Те же яйца, только в профиль.

— Ладно. Согласен. Но что-то мне эта тема приелась, давай сменим пластинку, — чересчур миролюбиво потянул друг и шлепнулся рядом со мной на кожаный диван.

— Меняй, — дернул я подбородком в его сторону и чуть оскалился, когда кто-то прикрутил громкости на колонках и с воплем залетел в бассейн.

— Чего это Ади такая злющая? Обиделась, что мы ее с собой не взяли отмечать вашу днюху?

— Не, там проще, Бас. Я ей помог.

— И?

— Неправильно помог, как оказалось. Я не учел корявую бабскую логику, — раздраженно дернул я плечом.

— Пояснительную бригаду в студию.

— Ой, да там сто восьмая серия «Санта-Барбары», — фыркнул я, — Адриана влюбилась в парня из своей убогой балетной школы. Задолбала о нем трындеть и слюной капать. Ну я и прознал, что этот тощий Цискаридзе в гамашах, палит на другую девчонку, причем так конкретно. Ну я ее эффектно и на его глазах снял. И развел.

— И он тут же кинулся утешаться к Ади, как ты и планировал, так? — на один глаз прищурился друг.

— Нет. Этот дебил переключился на другую.

— Это он зря...

Из глубины зала нам замахали парни, но мы с Басом оба отмахнулись, как-то без особого энтузиазма наблюдая за тем, как качает пену в бассейн специальная установка, как шарашит басами музыка тела многочисленных девчонок в одних лишь смелых по фасону бикини и как ослепляет стробоскоп.

— О чем и речь. Вторая пала еще быстрее, чем первая, — вернулся я к теме нашего разговора.

— Но?

— Но воз и ныне там, Бас. Этому зачуханскому Костику моя сестра никуда не упиралась.

— А-а, так Адриане за тебя тупо предъявили, так? — захлопал в ладоши друг и форменно заржал.

Маньяк отмороженный!

— Да, причем прямым текстом. А она, дуреха, два часа собиралась на разговор с этим недоумком, волосы завивала, штукатурилась с ног до головы. Думала, ее замуж позовут, — закатил я глаза.

— Ну ничего, перебесится. Забей.

— Давно. Пусть теперь сама вывозит свои жизненные нестыковки.

И мы на минуту замолчали, каждый думая о своем. Я, словно по отлаженному алгоритму, вспомнил огромные голубые глаза и пухлые губы, которые так часто представлял, что целую.

— Слушай...

— Ну чего? — устало вздохнул я.

— А почему мы по старой доброй традиции не устроили вписку у тебя дома? Да и вообще последние пару месяцев ты у себя пацанов не собираешь?

Началось утро в деревне.

— Мама вас не переваривает.

— Ага. Ну, допустим, — не поверил в мое вранье Басов, но тему пролонгировать не стал. А может, уже понимал, что на меня, где залезешь, там и слезешь.

Через минуту нас с дивана все-таки выдернули парни. В помещение внесли огромный торт с восемнадцатью полыхающими свечами. Девчонки завизжали, как резаные. Кто-то улюлюкал, кто-то стучал мне по спине. Желание я загадывать не стал, не верил в эту муть. Затем задул огонь и настоятельно приказал себе веселиться.

И делал это до тех пор, пока тело не налилось шальной сытостью и усталостью. Одиннадцатое ноября давно себя изжило, а вокруг до сих пор все отрывались.

И только я один, как конченное унылое дерьмо, стоял посреди всего этого веселья и понимал, что хочу быть не здесь. А тем, где хочу, меня не ждут.

Набравшись смелости, я вновь открыл телефон и провалился в сеть. Нашел ЕЁ профиль в закладках и снова ошпарился об этот невесомый образ. Завис.

А затем кликнул на иконку «добавить в друзья».

Зачем? Не знаю.

Какой с меня к черту друг? Никакой...

Смешно, да?

Я смотрел на нее и не понимал, что в ней такого особенного, что меня на этом образе субтильном до такой степени переклинило. А когда не видел ее, то ощущал какой-то внут-

ренний и совершенно необъяснимый зуд, почти до ломоты в костях, потому что хотелось снова вперить в нее жадно глаза и смотреть. Бесконечно, да. Пусть и не понимая, что именно мне в ней нравится.

Возможно, глаза, которые смотрели так непривычно холодно и по-взрослому. Или вечно искусанные, будто бы обветренные пухлые губы. Пальцы ее тонкие с коротко остриженными ноготками. Почти белоснежные длинные волосы, что немного вились на концах крупными кольцами. Или это тело, которое, кажется, чуть сильнее сожмешь в объятиях, и оно сломается. Такая хрупкая, как хрустальная ваза. Ручки тоненькие, ножки как спички. Но осанку держит, словно королева, так что и подступиться страшно.

Поднял ее на руках однажды, когда усаживал на столешницу, и своим ощущениям не поверил. Пушинка. И в груди тогда все дрожало, пока она смотрела на меня предельно ровно, без каких-либо эмоций в абсолютно пустом взгляде.

Я тогда думал, что она рисуется. Цену набивает. Так ведь делали многие. Да нет, так делали все.

А потом, как ушат ледяной воды. Не рисуется. Не набивает. Не играет. Просто она уже выбрала себе предмет для воздыхания. Даже ведь не смотрела на этого неудачника Прохорова — обнимала взглядом. А мне, в казалось бы, тысячный раз хотелось выставить ему пару передних зубов.

Шпингалет без ручки. И что она в этом убогом завистливом недоноске нашла?

Через пару минут отвис и решил, что и плевать, собственно. Подумаешь, очередная телка. Что мне мало их, что ли? Разве что солить впрок.

На сколько меня хватило? Ну, на неделю точно, пока она снова не ворвалась в мой мир со своими белоснежными косами и настороженным взглядом, о который я в момент порезался. И стоило мне только один раз сорваться в этот омут — и все. Как проклятье какое-то или болезнь, от которой все никак не получается излечиться. Сколько ни трави самыми сильными антибиотиками, все одно — в хлам.

Мне было плевать на все вокруг и даже привычные игры на пару с Басовым с невинными душами более не привлекали меня, как прежде. Наоборот, кажется. Раздражали. Потому что мне казалось, что с моей собственной кто-то жестоко забавляется.

Но я не хотел этого всего. Бежал от этих непонятных мне эмоций, но оттого, кажется, только сильнее напарывался на свой собственный триггер.

Наверное, хватит, пора завязывать. Да, решено.

Плывущим взглядом обвел огромный бассейн, в котором гулял собственное совершеннолетие. Цепанул несколько уже полуголых девиц и их зовущие взгляды. Улыбнулся лениво одной, подмигнул другой. Отлично, все у меня чудесно. Я свободен. Я независим. Я живу полной грудью.

Я дышу, а не задыхаюсь.

Я — это я. Эгоист до мозга костей. Мне совершенно ни-

кто не нужен в моем абсолютно идеальном мире. Вот, я уже двигаюсь к цели, через пару минут буду зажигать с на все согласной дурочкой-пятиминуткой где-нибудь подальше от лишних глаз.

Все здорово. Великолепно!

А затем меня отвлек вибрирующий телефон в заднем кармане джинс. Достал его на свою голову и посмотрел непонимающе в экран. Номер не знаком.

«Где ты?»

Отличный вопрос. Его-то я и ждал. Но тут же добивает следующий.

«Ты можешь меня забрать?»

И только я было хотел спросить кто это и на кой черт он пишет мне, как следом прилетает еще одно сообщение. Точнее, подпись.

«Это Адриана».

Хмурюсь, провожая гулкий удар за ребрами. Только бы не натворила ничего эпического. Уточняю:

«Чей это номер?»

«Алины».

Вот же черт!

Глаза впиваются в одиннадцать цифр и моментально запоминают их навсегда. И можно было бы даже не записывать, но я, чувствуя какое-то мазохистское удовольствие, вношу ее номер в свой список контактов, присваивая имя «Она».

Все, это, кажется, клиника, да?

«Что случилось?»

«Я не взяла зарядку, а телефон сдох».

«Ясно».

Всего лишь пару мгновений жую губу, чувствуя, как от затылка по всему телу пробегают толпы оголтелых, наэлектризованных мурашек. А в следующую секунду сам себе киваю и уверенным шагом движусь к Басову.

— Яр, я выйду на пару минут. Не теряй, — отмахиваюсь я, зная, что уже не вернусь сюда сегодня.

— Ок, — лыбится мне тот, тиская на своих коленях какую-то фигуристую блондинку.

Но я тут же утилизирую из памяти этот кадр и покидаю, и этот дом, и эту вечеринку, на ходу вызывая такси и вбивая, присланный Адрианой, адрес.

Спустя несколько минут уже мчу в город, отписываясь, что скоро буду. И весь вибрирую, словно оголенный высоковольтный провод. Я хотел быть с ней рядом в этот день.

Я буду.

Спустя вечность я на месте. Бомбилу отпустил и оглянулся по сторонам: спальный район, обычная серая панелька. У нужного подъезда лужа. Дворовый кот без левого уха, мирно развалившийся на лавочке, угрюмо зыркнул на меня, недовольный тем, что я потревожил его сон. В единственном окне на третьем этаже горит свет.

Подошел к подъезду, собираясь снять дверь с магнитно-

го замка, но тут же отступил. Мне на встречу, ковыляя, вышла бабушка-божий-одуван и, промямлив мне незамысловатое «не спится», двинула со своим двортерьером шастать по ночному двору.

— А Бойко в какой квартире живут, не подскажете?

— В двенадцатой, — буркнула старушка и потопала дальше.

Я же только придержал ей дверь, как доморощенный джентльмен и шагнул в подъезд, который пах хлоркой и свежей краской. Поднялся на третий этаж и позвонил в дверь. За ней тут же кто-то завозился. А спустя пару секунд щелкнули проворачиваемые замки.

— Привет, — уперся я рукой в дверной косяк и пытался усмирить легкие, которые вдруг перестали справляться с тем, чтобы просто качать кислород. Задохнулись. Остановились. Вполне себе, вероятно, даже впали в кому.

— Привет, — прошептала блондинка и захлопала своими ледяными глазищами.

— Одни тусите? — закинул я удочку, надеясь поймать рыбу своей мечты. И поймал.

— Да. Отец на сутках, так что...

— Отлично, — взялся я за дверь и смело, хоть и без приглашения, шагнул за порог.

— Что ты...? — кажется, опешила девушка, а я только улыбнулся.

— Чаем напоишь хоть?

— Чаем? — переспросила она, моргая часто-часто.

— Черным. Можно даже без сахара и заварки. Куда идти?

— Раф? — показала макушку в прихожей моя сестра и тоже удивленно вытаращилась.

— Все потом, — разулся я и скинул ветровку с плеч, — сначала чай.

Все! Теперь у меня офигенный день рождения...

— Какой к черту чай, Рафаэль? — возмутилась моя сестра, но я даже бровью не повел. Я все силы тратил сейчас на то, чтобы не пялиться на свою балерину и ее домашний наряд: преступно короткие шортики и топ, оголяющий пупок и демонстративно подчеркивающий высокую грудь и выступающие ключицы.

Крошка совсем...

А меня так от нее взрывает моментально, разносит на куски, кажется. Что бы я отдал, за возможность к ней прикоснуться? Определенно — все.

— Кимун, Юньнань, Лапсанг Сушонг, Пуэр или хотя бы Да Хун Пао, — загибал я пальцы, сглатывая нервную истому.

Адриана на вид впала в ступор, приоткрывая рот и хлопая ресницами. А вот блондинка качнула головой и дёрнула губами, будто бы собиралась рассмеяться. И выдала:

— «Принцесса Нури» сгодится?

— Определенно, — кивнул я, а затем без разрешения двинул на кухню, жадно скользя взглядом по жилищу Бойко. Такое себе, конечно: все затисканное, видавшее виды. И иде-

альная чистота не в силах скрыть выцветших дешевых обоев, ушатанной мебели и щербатой посуды.

Ей эта конура не идет.

— Я думала, ты меня домой подкинешь, а не сюда без приглашения валишься, — бухтела недовольно где-то за спиной сестра.

— А кто-то против? — хмыкнул я и глянул на то, как медленно моя балерина ведет языком по верхней губе, а затем чуть ее покусывает. Картина маслом: «Рафика вставляет».

Я ей не нравлюсь — вижу. Но придется потерпеть. Мне бы немного рядом с ней зависнуть. Наглотаться и понять наконец-то причину помутнения своего разума.

— Алина против! — рявкнула Адриана.

— Алина против? — удивлённо охнул я и наши с Бойко взгляды столкнулись с каким-то болезненным треском. Ее арктический холод и мой адовый жар.

— Все нормально, — дернула она худеньким плечиком и двинула к плите, зажигая газовую горелку над обычным металлическим чайником.

— Видишь, все нормально, сестра, — растянул я губы в улыбке сумасшедшего.

— Раф, ты просто... идиот! — прошипела Адриана и шлепнулась на табурет напротив меня. Молодец. Значит, моя блонда будет сидеть ближе.

А та плавно, словно бы порхая, двигалась по кухне: доставала чашки и чайные пакетики, а еще вытащила из холодиль-

ника самый настоящий торт, украшенный дольками банана.

— Он его не заслужил! — почти зарычала Адриана.

— Да ладно тебе. У Рафа тоже ведь праздник, — пожала плечами блондинка и выставила на стол блюдо с домашним кулинарным шедевром и тихо добавила уже мне: — Без сахара.

— Круто, — утонул я в ее глазах и едва ли вырвался из этой ледяной глубины.

Дальше я минут пятнадцать молча пил чай и уплетал торт, который на поверку оказался просто божественным.

— Где такой купить? Очень вкусно, — набив себе рот, шамкал я, закатывая глаза от удовольствия.

— Нигде. Это я сама для Адрианы испекла.

— И для меня, — подмигнул я этой белобрысой пигалице, которая до сих пор смотрела на меня как на покосившийся табурет, который срочно просится на мусорку. Она же в ответ на это сомнительное заявление только отвернулась и глубоко вздохнула.

Да уж.

Впервые в жизни я почувствовал себя назойливой навозной мухой рядом с девчонкой, от которой по моему телу гуляют толпы пьяных мурашек. И это дерьмовое ощущение, я вам скажу. И в лобовую не пойдешь — без шансов. Я смотрел в ее глаза и уже видел этот унизительный для меня исход, если решусь на подобное.

В звенящей тишине почти разрывной пулей послышался

звук вибрации мобильного, и Бойко тут же кинулась куда-то вглубь квартиры. А моя сестра принялась за свое излюбленное занятие — вынос мозга.

— Ты какого черта исполняешь, Раф? Мне теперь, знаешь, как перед Алиной неудобно? Мог бы просто дать знать, что подъехал, и я бы спустилась. А теперь чего?

— Она к нам как к себе домой ходит. Я думал это взаимно, — потянул я и пожал плечами, делая вид, что мне все нипочем.

— Давай, допивай свой чертов чай и поехали, — снова перешла на шипение сестра, но я лишь отмахнулся.

— Разберемся.

И тут же на кухню вернулась Алина, неся в протянутой руке телефон и передавая его Адриане.

— Это Антон. Он потерял тебя.

— Блин..., — приняла трубку сестра и залопотала что-то малозначимое для меня, пока я смотрел, как бьется на шее Бойко синяя венка и как нервно скребет она щербинку на крышке стола, выкрашенным бесцветным лаком, ноготком.

Красивая, как сон. Я, наверное, впервые фактически оглох от ее этой выбивающей дух идеальности. И не осталось в этом мире и на этой кухне больше других звуков, кроме, как истошного биения моего сердца и ее тихого дыхания.

Адриана, болтая по телефону, вышла из кухни, а мы так и остались сидеть напротив друг друга. Молчали. Кусок моего торта закончился, как и чай. Надо было что-то говорить, но

я не мог подобрать слов. Или выбрать нужные из той массы, что хотел на нее вывалить.

А потому я лишь встал и молча побрел вперед. Туда, где в одной из комнат горел свет.

Квадратов десять, не больше — фактически коморка. Узкая койка с розовым покрывалом, стол, стул, шведская стенка — все. На стенах плакаты с балеринами, там же на крючках пуанты. В раму небольшого, круглого зеркала над столом вставлены несколько фотографий: молодая женщина в пальто и кандибобере со свертком на руках, мужчина с усами на мотоцикле с люлькой, какая-то старушка и совсем свежий снимок Алины, Адрианы и чертового Прохорова.

Ну вот, все настроение обосрал своей рожей, не обремененной интеллектом.

Плюхнулся на кровать, утонул в ее запахе. Ожил моментально. Улыбнулся. Достал мобильный, проверил свои отправленные заявки – пусто. И снова убил себя, глядя в ее пустые глаза.

Плевать! Наполнятся.

— Почему в друзья меня не добавила?

— Что? — нахмурилась она, присаживаясь на краешек стула, пока я чуть повернул голову и понюхал ее подушку.

Кайф!

— Я отправил тебе заявку в друзья.

— А-а, я думала, что ты ошибся.

— Нет, — припечатал жестко.
— Что ж..., — она криво улыбнулась и отвела глаза.
— Принимай.
— Зачем?
— Дружить будем, Алина.
И неважно уже, что ты этого не хочешь. Да и я тоже...

Глава 9 – Самый лучший день…

Рафаэль

— Это какой-то розыгрыш? — Бойко прикусывает кончик пухлой губы, а я выпадаю в ошибку. Стремительно. О чем она спрашивала? Что имела в виду? Все осталось в параллельной реальности, а в этой я просто лежал на кровати, пахнущей ею, смотрел на нее и дурел.

— С чего ты взяла?

— Какой своевременный и удобный вопрос, Рафаэль, — дернула она плечом и отвернулась, беспокойно перекладывая на столе учебники и ставя в стакан рассыпанные карандаши. Нервничает.

Почему я так эпически этому рад? Неравнодушна, потому что. Какое славное утешение...

— Да ладно тебе, Алина, — я со смакованием произнес ее имя и даже, кажется, зажмурился, так меня вся эта ситуация вставляла, — ты лучшая подруга моей сестры. Что-то же она в тебе нашла. Найду и я.

Она в моменте будто бы расслабилась, чуть откинувшись на спинку скрипучего стула и глядя на меня из-под опущенных ресниц. Покачала головой и коротко рассмеялась.

— Славное объяснение. И много у тебя таких девчонок, с которыми ты просто дружишь?

— Ты думаешь, я не способен на такой подвиг? — делан-

но изумленно охнул я и даже на кровати приподнялся, подаваясь в ее сторону и всего лишь на секунду дотрагиваясь кончиками пальцев до ее обнаженного колена.

Она вздрогнула и спрятала ноги под столом. А у меня руку до самого плеча молнией прострелило. Приятно так, что, кажется, аж мозг со свистом из черепной коробки вылетел. Остался только гулкий звон и блаженная пустота.

Еще хочу!

— Я думаю, что тебе не стоит ко мне подкатывать? — буркнула Бойко, но я только откинул голову и захохотал.

— Ты уверена, что я именно этим сейчас занимался?

— А чем еще занимаются плохие парни вроде тебя? — поджала она губы.

— Если я набил на своем теле пару татух и проколол соски, то этот еще не значит, что я плохой парень.

— Ты проколол соски? — забавно округлила глаза и рот Алина.

— Показать? — схватился я за подол футболки.

— Вот уж не надо, — замахала она руками и отрицательно затрясла головой.

— Еще язык тоже.

— Это я заметила.

— Так целоваться вкуснее, — я даже дыхание задержал, ожидая ее реакции.

— Не стану спорить, — впечаталась она лицом в раскрытую ладонь и что-то протестующе зафырчала. Как котенок,

ей-богу.

— Но я, правда, без задней мысли, если что.

— Да?

— Ну с чего бы мне тебе врать? Если бы ты мне была нужна в этом смысле, то я бы не стал расшаркиваться.

— Ах, стало быть, я тебе нужна?

— Ты, что ли, флиртуешь со мной, Бойко? — раскрыл я рот дурашливо и состряпал удивленный вид.

— Корона не подпирает?

— Ты такая жестокая, — как мне нравился этот разговор ни о чем. Я бы мог вести его вечность, если бы только она позволила.

И все бы ничего, но где-то в доме закончила трепаться по телефону Адриана и ее быстрые, приближающиеся к нам шаги я уже слышал по коридору. Секунда и наше уединение было прервано.

— Вы чего тут?

— Я пригласил Алинку съездить встретить рассвет на наш утес. Она согласилась?

— Да? — приподняла брови Бойко.

— Да? — удивленно сложила на груди руки моя сестра.

— Ага. Помнишь, как раньше? Круто было бы.

— Ты серьезно сейчас? — свела брови домиком Адриана.

— Абсолютно.

Та тут же подпрыгнула на месте и тоненько пискнула. А затем с мольбой глянула на свою подругу и перешла на про-

сительные интонации.

— Даш мне какую-нибудь теплую кофту? — и указала на свои короткие шортики и микроскопический топ, расшитый пайетками. Одежда для ночного клуба, но никак не для вылазок на природу.

— Конечно, — кивнула блондинка.

— Супер! Тогда едем! И да, тебе там понравится, Алин.

Но та, игнорируя этот щенячий восторг, собиралась без особого энтузиазма. Только поглядывала на меня хмуро, но одевалась теплее. Хоть днем температура воздуха еще прогревалась до двадцати градусов, но ночью и по турам стоял настоящий дубак – не более десятки со знаком плюс. Так что по моей просьбе Алина прихватила пару пледов и налила полный термос горячего чая. Хотя я надеялся, что до него не дойдет.

Спустя полчаса мы уже мчали в сторону утеса, с сорокаметровой высоты которого открывался потрясающий вид на Черное море. Этот кусок суши был скрыт от жадных глаз посторонних густым лесом, и только старожилы знали сюда дорогу. Вот и таксист удивился выбранной мной точке на карте, но спорить не стал, уж слишком щедро я тому заплатил. А когда притормозил у таблички «проход воспрещен», то и вовсе покосился на нас, как на душевнобольных.

— Нормально все, мужик, — криво улыбнулся я ему и протянул еще одну крупную банкноту сверх оговоренной за поездку суммы. — Заберешь нас отсюда через два часа?

— Лады.

А дальше мы пошли пешком. Я тащил рюкзак Бойко с пледами и термосом, а еще некоторой провизией, что мы успели прикупить по дороге сюда. Но уже через пару минут забыл обо всем, увидев неописуемую гамму эмоций на лице моей балерины, когда она вышла на поросший уже жухлой осенней травой утес и затаила дыхание.

— Нравится?

Она не ответила, только едва кивнула и продолжала пялиться на линию горизонта, чуть приоткрыв пухлые губы.

— Сколько мы не ездили сюда, Раф? — спросила сестра.

— Много, — отмахнулся я и строго глянул на нее, призывая держать рот на замке. Та тут же пожала плечами и отвернулась, бурча сама себе под нос.

— Надо бы поторопиться, осталось всего несколько минут.

И правда, мы успели лишь расстелить плед, сесть на него и впиться зубами в сочные бургеры, как первые лучи солнца разорвали сизое небо, а затем и ослепили наши глаза. Я заметил, как Адриана быстро стерла слезы с раскрасневшихся щек. Но я почти не видел ее и рассвет, заливающий все вокруг яркими лучами. Я смотрел на нее — на девушку, которая была так близко, но в то же время бесконечно далеко.

Но мне отчего-то и этого сейчас было достаточно. Я улегся на плед и просто смотрел на то, как путается солнце в ее необыкновенных волосах. Почти белых, с едва различимы-

ми золотыми нитями.

«Ты не вернешься?»— подал голос мой телефон.

«Нет», — ответил я Ярославу Басову.

«Тогда, может, я приеду?».

«Нет», — меня от такой перспективы почему-то окатило ледяной водой. Потому что я знал: мой лучший друг не упустит возможности попить мне кровь. Точно так же, как я делал это сейчас, путая карты, выбранной им жертвы. Девушки, которой мы оба дурили голову.

С той лишь разницей, что Яр играл. А я вдруг с ясностью понял, что не хочу больше игр.

Но видимо, придется...

«Ты с ней?»

«С кем?»,— включил я режим дебила.

«С той, которую ты так упорно рисуешь в своих альбомах».

Откуда он знает...? Черт, ну я же не мог проболтаться? Или мог... тут же перед мысленным взором замелькали туманные картинки какой-то левой вписки. Уже непонятно с кем, где и как.

Но да, я, конченый придурок, что-то реально лопотал про Бойко. А зря...

«Забудь об этом»,— отмахнулся я.

«Уже. И да — удачи тебе, Пикассо».

Мне она не нужна. У меня есть кое-что получше.

Примерно в этот момент в моей голове окончательно и

оформился план. Жестокий в своей простоте. Но оттого не менее действенный. Потому что я четко понимал: сколько бы я ни кричал и ни мелькал перед своей балериной, исход будет один — она меня не услышит и не увидит.

Придется раскрывать ее глаза насильно.

— Чему ты улыбаешься? — спросила она, переведя на меня свой ледяной взгляд.

— Это мой самый лучший день, подруга, — хмыкнул я и подмигнул ей. А затем достал из пакета бутылку и громко хлопнул пробкой.

— Я не буду, — пошла в отказ блондинка.

— Будешь, — жестко припечатал я, — сегодня праздник.

— Он был вчера, — упрямо отмахнулась она.

— Да. Но сегодня мы празднуем кое-что получше.

— И что же?

— Начало нашей дружбы...

Глава 10 – Бой с тенью…

Рафаэль

Еще два месяца спустя…

Я: «Привет».

Зависаю, смотря на то, как одноклассница пытается найти массовую долю углерода в спирте. Молекула, наша учительница по химии, хмурится и качает головой. А мне скучно, потому что я давно уже расписал решение и теперь лишь ждал, когда мне ответят.

Вхолостую. Потому что заветное встречное «привет» я получил только под вечер, когда вырисовывал в альбоме ее глаза. За ребрами кольнуло и заломило — это сердце радостно дернулось, наивно полагая, что ее ответ что-то значит в разрезе хоть какой бы то ни было надежды на будущее между нами.

Тупая мышца не знала, что мы с ней давно и прочно застряли в дремучей френдзоне. И выход у меня виделся только один — ломать ее под себя. Потому что за прошедшие два месяца я не сдвинулся с места и на чертовый миллиметр. Где был, там и остался — в игноре.

Бойко смотрела на меня, но не видела. И сколько бы я мысленно ни орал ей, что здесь, рядом, она отказывалась меня слышать. Или тупо не хотела. Не знаю...

И так это все бесило невероятно. Если бы я мог, то кинул

бы под ноги своей балерины весь мир. И себя в придачу. Тогда, когда кто-то разбрасывался людьми, которые их любят, как пешками на шахматной доске. Таким был мой лучший друг. Басов сыграл ва-банк, а затем почти в упор расстрелял девушку, которая готова была идти за ним на край света.

Забавы ради...

И это была не зависть. Нет. Это была концентрированная ненависть. Я смотрел в его глаза и понимал: он ее не заслужил.

Жалею ли я о том, что сделал? Ни капли.

Верил ли я в то, что его сердце билось? Нет.

А ее? Билось. Я знал это, но добивал технично. Просто потому, что в противном случае, это бы сделала с ней Ярослав. Без анестезии.

Больная любовь. Игрушечные чувства. После Нового года, ни он, ни она не вернулись на учебу. Все рухнуло. Осталось только кристально чистое понимание, что нельзя играть в людей. Но что собирался сделать я?

Она: «Мне сегодня доставили посылку».

Знаю. Она от меня. Я хотел хоть и запоздало, но поздравить ее с прошедшим днем рождения, который был еще тридцать первого декабря. Адриана проболталась на мое счастье.

Я: «Ничего не понятно, но очень интересно».

Она: «Я в шоке, если честно».

Я: «А что там?»

Она: «Пуанты. И пачка».

Я: «Вау. Держу пари, что тебе понравилось».

Горло в ожидании ее ответа словно бы стиснуло колючей проволокой. Больно. И размазывает.

Она: «Это очень дорогие вещи, Рафаэль. Известный и премиальный бренд. Мне страшно представить, сколько они могут стоить».

Чуть погодя долетает еще одно и провокационное.

Она: «И кому бы в голову пришло тратить на меня столько денег».

Мне. Верно. И я бы всего себя потратил, если бы только она позволила. Если бы только намекнула, что я ей нужен. Я бы свихнулся от счастья. А потом бы еще один раз, просто радуясь ее блестящим глазам.

Я любил ее.

Нет. Больше. Я был ей болен. Смертельно.

Когда до меня это дошло? Когда задыхаться без нее начал. Когда хотелось крошить кости Прохорова до состояния муки лишь потому, что она смотрела на него, а не на меня. Когда не спал, в панике страшась того, что у меня не получится заполучить ее. Когда смотрел в ее глаза и тонул в них. Захлебывался, но только приветствовал это разрушительное состояние.

Я: «У тебя появился тайный воздыхатель?»

Она: «Да не похоже на то».

Ну точно...

Я: «Может, есть какой-то повод?»

Она: «Есть».

На этом все. Она просто отключилась, а я так и остался барахтаться где-то в подвешенном состоянии. Но я хотел, чтобы она улыбалась. Если бы умел, я испек это чертов банановый торт без сахара и подарил бы ей, но руки у меня росли из задницы, а потому я сподобился только раздобыть размер ее пуант и балетной пачки. Мне бы хотелось верить, что ей все подошло.

— Раф! — вздрогнул. Это в комнату ввалилась моя сестра. Уселась на мою кровать без разрешения, а я едва ли успел убрать альбом с набросками Бойко под подушку.

— Чего тебе, горемычная?

— У меня в эту субботу спектакль. Ты придешь?

— Приду, — киваю я. Адриана уже привыкла, а вот Алина до сих пор удивляется, видя мою забитую татуировками тушку в первом ряду. Я с недавнего времени очень полюбил балет. Прямо адски. И не пропускал ни одного спектакля, где бы порхала моя Бойко.

Тогда я мог смотреть на нее вечно. Жечь ее взглядом. И знать, что мои больные, гипертрофированные чувства останутся при мне. Рано пока. Она же с ума сойдет, если узнает раньше времени, насколько меня на ней заклинило.

— О, спасибо!

— Не за что, — улыбнулся я, а сестра зависла. Смотрела на меня стеклянным взглядом, а я понял, что мы наконец-то

оба добрались до точки невозврата. Плотно встали на то место, с которого придется сорваться вниз.

Разбиться или расправить крылья — тут уж как решит случай и везение.

— Ты так смотришь на меня, как будто бы я тебе сдачу с рубля не дал, — немного спустил я ситуацию в шутку. И добился своего — Адриану прорвало.

— Мне нужен твой совет.

— Я весь само внимание во плоти.

— Это насчет Кости.

— Кости? — принялся я валять дурака, хотя прекрасно понимал, о чем идет речь.

— Ну, Мельника.

— И что с ним?

— Хотела спросить твоего совета. Ты же парень. Знаешь, чем можно привлечь внимание такого, как он.

— Такого, как он, не знаю. Такого, как я — вполне себе да.

— Блин, Рафаэль!

— Ревность.

— Что? — нахмурилась сестра.

А я приготовился заочно разбить сердце своей любимой балерине на мелкие кровоточащие осколки, чтобы снова собрать его и склеить, только на этот раз уже так, как мне надо.

— Перестань корчить из себя доступную влюбленную дуру, Адриана. Это никого не возбуждает. Махни хвостом и переключи внимание на другого парня. Полностью.

— Но... мне нужен только Костя.

— Тогда переключи ради дела.

— Но кто на такое пойдет? — и она закусила губу, запуская свой мыслительный процесс на полную катушку. А я лишь подтолкнул ее в нужную мне сторону.

— Прохоров пойдет.

— Прохоров? — затаила она дыхание.

— Он твой друг, и по-любому желает тебе счастья. Попроси его сыграть твоего парня на какое-то время, пока Мельник на тебя не клюнет, и дело будет в шляпе.

— Ты уверен, что это сработает?

— Абсолютно, — жестко припечатал я, а про себя тут же мысленно произнес: «Прости, малышка».

Адриана же лишь с минуту жевала задумчиво губу, а затем улыбнулась и кивнула мне.

— Хорошо, я сделаю так, как ты советуешь, — а я, сидящий до этого в напряжении и как на иголках, наконец-то выдохнул.

Конечно, сделаешь...

Глава 11 – Беда не приходит одна

Алина

— Бойко? — я слышу за спиной жесткий, громоподобный голос и вздрагиваю. Это мой педагог и наставник — Ирина Алексеевна Гофман. И по ее интонациям я четко понимаю, что она чем-то категорически недовольна, а значит сейчас мне качественно вынесут мозги.

— Я, — поворачиваюсь к женщине, задирая голову и становясь в шестую позицию.

— Что это за синяки у тебя на бедрах?

Ни один мускул не дрогнул на моем лице. Взгляд, как был уверенным в себе, так и остался, и только сердце в груди жалобно завыло. Ему до сих пор было больно и обидно.

— Я упала, Ирина Алексеевна.

— Я дура, по-твоему? — припечатала она мне в лоб, а я сглотнула судорожно.

— Нет.

— Кто бил?

— Никто.

— Кто, я спрашиваю!? — она, маленькая и хрупкая, наседает на меня, словно бы Годзилла. Но и я тертый калач. Жизнь научила врать технично, виртуозно. Так, что и комар носа не подточит.

— Я правда упала. Мы с ребятами на выходных ходили

на картингах кататься, а я с управлением не справилась и с трассы вылетела. Бедром вот немного воткнулась в ограждения из покрышек.

— Славно ты болтаешь, Бойко. Только я в жизнь не поверю, что ты села в какой-то там картинг, учитывая то, как ты рвалась заполучить роль Авроры и сколько сил для этого приложила.

— Ирина Алексеевна..., — перевела я на нее глаза и облизнулась, но продолжить мне мое откровенное вранье не дали.

— На подмостки с такими уродливыми ногами я тебя не пущу. В «Спящей Красавице» тебя заменит Элеонора Тихорецкая.

— Нет! — отчаянно вырвалось из меня. И, кажется, даже зубы досадливо скрипнули.

— Да, милая моя. Будет тебе наука о том, что мне врать непозволительно!

А мне как сказать правду? Как вывалить ее на человека, который во всем был для меня примером и образцом для подражания. Сильная. Смелая. Целеустремленная. Расскажи я ей реальное положение дел, и она будет смотреть на меня, как на жалкую размазню. Ведь Гофман всегда твердила нам, что мы сами кузнецы своего счастья. А уж если у нас чего-то нет, то мы просто недостаточно этого хотим. И точка.

Но ведь отцов не выбирают...

— Я их загримирую, под трико не будет видно, — выдви-

нула я свой последний аргумент, но педагог была неумолима.

— Я все сказала. Но еще добавлю — еще раз увижу, что ты «катаешься на картингах» и поездка в Москву тоже встанет для тебя под большой вопрос. Ты это уяснила?

— Да, — едва ли слышно просипела я.

— Не слышу, Бойко?

— Да, Ирина Алексеевна, — уже громче отрапортовала я.

— Смотри мне, Алина.

И ушла, гордо расправив плечи, а я рухнула на скамью и разрыдалась, прижимая ладони к пылающему лицу. Обида душила меня изнутри. Но что я могла? Разве что только раздеться и снова броситься в душ, под ледяные капли, чтобы хоть сколько-нибудь усмирить рвущиеся из меня эмоции. И уж не знаю, как долго я так простояла. Может вечность, может всего несколько минут, но даже стучащие от холода зубы не могли утихомирить огонь в моей душе.

— Бойко? — услышала я за спиной голос лучшей подруги и последний раз всхлипнула. А затем сама себе кивнула и повернулась к Адриане. Накинула на плечи халат и двинула прочь из душевой, но девушка, как клещ вцепилась в меня и не планировала останавливаться на достигнутом. — Что случилось?

— Потом, — отмахнулась я.

— Сейчас! — рявкнула Аммо. — Тихорецкая целый спектакль устроила на перемене. Все уже осведомлены, что тебя сняли с роли Авроры в «Спящей красавице». Эта дура за-

вистливая распускает по курсу, как всегда в своем репертуаре, сущую грязь. Но я хочу знать истинную причину. За что?

— За это, — указала я на свои ягодицы и бедра, покрытые безобразными фиолетовыми пятнами.

— Но ты же сказала, что упала.

— Гофман поняла, что я вру.

— Но, Алин...

— Мне ее жалость не нужна, — задрала я нос выше. — Ничья жалость не нужна. Понимаешь?

Я надеялась, что вырвусь из этого порочного круга. Поеду в Москву, примелькаюсь, покажу себя. Поступлю в Академию русского балета в Санкт-Петербурге. Получу предложение поработать в Большом или в Мариинке. Вот какими были мои мечты. Но все надежды, что они исполнятся, рушатся словно карточный домик.

Еще вчера утром я радовалась подаренной анонимной посылке, в которой обнаружила пуанты по размеру и балетную пачку. И хотела бы верить, что это от мамы. Так сильно хотела, что убедила себя в том, что это именно она, хоть и с почти двухнедельным опозданием, но все же поздравила меня с совершеннолетием. От всего сердца и с настоящим подарком, а не как отец, взяв в руки ремень просто за то, что я недосолила суп. И да, я просто сияла от счастья, беспечно позабыв замазать синяки на бедрах.

И вот каков итог: сегодня мир перевернулся с ног на голову.

— Я думала, мы подруги, — обиженно протянула Адриана в ответ на мои ультимативные слова. Но моя боль была сильнее. И мне казалось, что у нее нет права обижаться на меня за то, что я не хочу рассказывать о том, что родной отец более не утруждает себя бить меня так, чтобы не было видно его жестокость.

Ведь я уже не была ребенком. А значит, система более не защищала меня. И его не наказывала. Ну а что, взрослая девка, могла бы просто уйти и жить отдельно, да? В этом мире все проблемы решаются по щелчку пальцев, когда на них безразлично смотрят люди со стороны.

Никто не гулял в моих ботинках даже пяти метров. Да и от жалости толку мало. Ну типа как «крепись, девочка». Ок, спасибо! Вы мне очень помогли.

— Мы подруги, — кивнула я.

— Ладно, — хмыкнула подруга.

— Ладно.

Остаток дня я проходила сама не своя. Не пила. Не ела. В раздевалке уловила обрывки пущенных про меня Тихорецкой сплетен. Мне приписали хромоту, артрит и даже страшный вывих. Не балетный класс, а серпентарий.

И какого же было мое удивление, когда в этом аду на земле неожиданно с широкой улыбкой ко мне подошел Прохоров. Его глаза сияли, лицо разрумянилось и словно бы лучилось бурным восторгом. А я смотрела на него и наполнялась этими бурлящими эмоциями.

А затем вдруг решила, что должна сказать ему все. Признаться в своих чувствах, а дальше уж будь что будет. Возможно, он даст мне надежду. Малюсенькую. Крохотную. Из которой вырастет что-то большее, чем целое ничего. Жалкая френдзона.

— Алинка! — сжал он своими сильными пальцами мои плечи, а затем и вовсе схватил в объятия и закружил на месте. А я, уткнувшись в его рубашку, вдруг подумала о том, что его парфюм излишне резок и сладок. Но какая на то разница, если он рядом, верно?

— Тош, ты чего? — рассмеялась я.

— Блин, мне надо тебе срочно кое-что рассказать! Немедленно, иначе меня просто разорвет!

— Не нужно, — покачала я головой, — ты мне еще живой пригодишься, Прохоров. И да, я тоже хотела с тобой поговорить.

Первый шаг по тонкому льду был сделан, и по моему телу прошла нервная дрожь. Господи, дай мне сил!

— Вот и чудесно, — последний раз стиснул он меня в своих руках и отпустил, чему я невероятно огорчилась. — Тогда после занятий давай встретимся в нашей кофейне?

— Вдвоем? — облизнулась я, разглядывая его губы и мечтая узнать, каковы они на вкус.

— Да. Только ты и я, Алинка, — рассмеялся парень, потрепал меня по макушке и подмигнул. А затем скрылся в коридоре кишащим учащимися.

А мне даже дурно стало от того огромного выброса адреналина, что поступила в кровь и мгновенно меня размазала. Тело загудело. В голове зашумело. Во рту пересохло.

Все, решено. Я это сделаю. Прямо сегодня вечером. Скажу Антону, что он мне небезразличен. А после попрошу всего лишь один шанс. Для себя. И для него тоже.

Надо ли говорить, что последний академический час я просто порхала? Да, именно так. И уже было все равно на то, что за спиной обо мне шушукается свита Тихорецкой, а Гофман хмурит брови и укоризненно качает головой. Думает, что я подбиваю к ней клинья, стараясь изменить ее решение снять меня с роли. А мне плевать! Пусть думает.

У меня тут прямо по курсу любовь!

Едва ли звенит звонок, как я вылетаю из балетного класса и как одержимая несусь в раздевалку. Там быстро снимаю с натруженного тела трико и припускаю в душ. Затем наскоро ополаскиваюсь и растираю ноющие мышцы застиранным махровым полотенцем. Оно неприятно колется, а по синякам и вовсе проходится, словно наждачная бумага. Но я почти не чувствую этого дискомфорта, потому что за ребрами у меня горит чистый свет, и он греет меня своими теплыми лучами, ласково кутая в объятия.

— Алинка, — одергивает меня Адриана, когда я уже покидаю душевую.

— М-м? — улыбаюсь я, просто потому, что не могу более этого не делать. Меня изнутри распирает надежда, а еще

уверенность в том, что все будет хорошо.

Все ж таки Антон предложил мне первой поделиться какими-то своими радостями. Со мной! А не с Адрианой. Значит, возможно, он уже начал остывать к ней. А может, и вовсе разглядел что-то во мне. Что-то особенное.

Быстро скрестила пальцы на руках: да хоть бы!

— Ты целый день носишься, как угорелая стрекоза. А я хотела с тобой обсудить выходные, — пожала плечами Адриана.

— У меня спектакль в субботу. Я тебе говорила еще на прошлой неделе, — нетерпеливо постукивала я ногой, косясь на циферблат часов, висящих над входной дверью в женскую раздевалку.

— В массовке, да?

— Да. Но мне заплатят. Это самое важное.

— Вау! — хлопнула в ладоши подруга. — Но почему я этого не помню?

— Может, потому что, у Мельника день рождения в эту субботу? — хмыкнула я, ни капли, однако, не обижаясь на девушку.

— Кстати, об этом. Он пригласил почти весь курс в ночной клуб «Пятое Авеню». И я думала, что мы пойдем туда вместе. Ты смогла бы отпроситься у отца или улизнуть как-то?

— Послушай...

— Просто подумай об этом, ладно? Если решишься, то я

заеду за тобой после спектакля.

— Хорошо, — кивнула я, избегая дальнейшей пустой полемики вокруг этого вопроса. — Я подумаю.

— Спасибо тебе, Алинка, — порывисто обняла меня девушка, — но мне пора бежать. Давай позже поболтаем или в сети, ок? Сегодня обещала маме прошвырнуться по магазинам.

— Завидую тебе, — словила я неожиданно острую вспышку грусти и зависти к Адриане, но тут же ее погасила. У нее была мама. А меня не было никого.

Но я решила отмахнуться от этих не приводящих ни к чему страданий. И кинулась одеваться и приводить себя в порядок. Для него — парня моей мечты. А тот уже отписался, что их группу сегодня отпустили пораньше и он уже успел переодеться и теперь ждет меня в нашем кафе.

Он: «Что тебе заказать?»

Я замялась, так как карманы мои были критически пусты. Отец больше не выделял мне те крохи на мелкие расходы, что было раньше. Теперь он считал, что я резко выросла и стала самостоятельной, а потому на свои нужды буду как-то зарабатывать сама. Хорошо, что нас кормили в Академии, а иначе я бы побила все рекорды на взвешивании.

Я: «Только воду, пожалуйста. Без газа».

Одевшись, уже на выходе, глянула на себя в зеркало и сникла. Адриана была эффектной шатенкой. Смоляные ресницы и брови вразлет — ничего и красить не надо, итак кра-

савица. А я? Жалкая, тусклая моль. Волосы, словно паутина. Кожа белоснежная, без намека на здоровый загар. Неудивительно, что в начальных классах и позже жестокие дети дразнили меня Скорлупой.

Мне бы не помешала хоть капелька косметики: чуть подвести чересчур пухлые губы и немного подчеркнуть глаза тушью. Про румяна я даже не мечтаю.

Вот только такой роскоши у меня отродясь не было. Я както попросила у отца копеечку на все эти женские штучки и так огреблась, что потом еще неделю спина ныла, так он по ней приложился ладонью со всей дури.

Но ничего! Я верила, что однажды мой Антон меня и без дополнительных прикрас рассмотрит.

И вот она я, перешагнула порог нашего кафе и помахала Прохорову, который уже сидел за дальним столиком у окна. Цедил кофе из прозрачной стеклянной кружки. А заметив меня, тут же подскочил с места и засветился, словно новогодняя гирлянда.

— Тоша, — поплыла я к нему, не видя и не слыша ничего вокруг.

— Алинка, привет, — обнял он меня и снова закружил. Как сегодня днем, только на этот раз еще и рассмеялся так заразительно, что и я не могла сдержать восторга, дотрагиваясь пальчиками до перекатывающихся мышц на его спине.

Боже, как приятно!

Такой сильный. Такой... такой!!!

— Пошли, я взял тебе «Наполеон» и твой любимый ореховый латте. Придумала тут воду мне тоже — фи!

А я не пила кофе. Вообще, его не любила. Я ходила сюда с друзьями и всегда заказывала молочный коктейль, если в карманах что-то водилось. И торт никогда не брала, ограничиваясь вкуснейшим манговым эклером. Но говорить я об этом упущении парню, конечно же, не стала. Только поблагодарила сердечно, и вся углубилась в то, чтобы напитаться его образом.

— Алинка, я тебе сейчас что-то скажу, ты упадешь!

— Тош, — схватила я его за руку и в сердцах выпалила, — давай сначала я. Ладно? Пока смелости хватает.

— Да брось, — отмахнулся он.

— Нет, правда. Давай сначала я, — стиснула я под столом пальцы до онемения.

— Ладно, давай, — кивнул он, но на меня не смотрел даже. Сидел весь как на шарнирах, ожидая, когда же я вывалю ему все и он наконец-то займет эфир.

Но я уже решилась. И меня было не остановить.

— Тош, — закашлялась я и отпила из чашки ненавистного горького напитка. — Я давно собиралась тебе рассказать и вот наконец-то решилась. Но я хочу, чтобы ты знал, что я буду говорить это от чистого сердца.

— Угу...

— Тош, я...

О господи, как же сложно это все!

— Тоша, ты мне... очень...

Слова и эмоции душили меня. Мне хотелось сказать так много и все сразу. Выплеснуть на него цунами и ураган накопленных чувств. Но ничего не выходило. Я задыхалась будто бы.

Вот же черт!

— Алин, слушай, ну я так не могу! Давай ты пока с мыслями соберись, а я тебе о своем поведаю. Лады?

— Тош...

— Ничего не знаю, Бойко! У меня тут сектор «приз» на барабане, понимаешь? Я выиграл чертов джекпот! Я в дамках! Собрал гребаный фулл-хаус! И если я с кем-нибудь этим всем не поделюсь, то меня просто разорвет к чертовой бабушке! А ты мой лучший друг, Алинка. Неужели ты допустишь, чтобы меня хватил сердечный приступ от счастья?

— Конечно, нет, — покачала я головой, внутренне корчась от разочарования к самой себе.

— Вот именно! За что я тебя и люблю!

— И я тебя люблю, Тош, — произнесла я, впиваясь в глаза Прохорова так цепко, как только была способна. Но он меня даже не услышал.

— Держись крепче, Бойко! Я взрываю!

— Я готова, — кивнула и снова отхлебнула из чашки отвратительной горечи, пытаясь заглушить ту, душевную, что топила меня изнутри.

— Адриана Аммо предложила мне встречаться! Пред-

ставляешь!?

— Что? — задохнулась я, стремительно вылетая из этой реальности, пока моя безответная любовь смотрел в мои глаза и счастливо улыбался.

Боже...ущипните меня!

Я заторможенно смотрела на сияющее лицо Прохорова. И кажется, окончательно свалилась в шок. Мое сердце почти перестало биться, легкие отказывались качать кислород, речевой аппарат стопорился не в силах ни то, чтобы складывать слова в предложения, а в принципе произносить какие-либо звуки.

Мой мир рухнул. Вот еще только секунду назад на небосклоне ярко сияла вожделенная надежда на светлое будущее. Такая близкая, что стоило протянуть руку и она станет моим шансом на все между мной и Антоном. А теперь? Его слова, словно ядерный взрыв, разнесли в щепки все.

Ничего больше не осталось. Только зияющая дыра.

— Отношения, Алинка! — тряс руками в воздухе Прохоров. — Я о таком и мечтать не смел, а тут она сама ко мне пришла. Сама! Адриана Аммо! Лучшая девушка во всем мире предложила мне гребаный рай!

— Вау, — кивнула я и со всей дури прикусила щеку изнутри, чтобы позорно не разреветься на его глазах.

Такого унижения я просто не переживу.

— Да, Бойко! Это реально вау!

— И..., — я подавилась своими разрушительными эмоци-

ями, но уже через секунду смогла взять себя в руки, — и как давно это у вас?

Слезы рвались наружу с невероятной силой. Обида буквально душила меня, заставляя корчиться от муки. Лучшая подруга предложила встречаться парню, по которому сохло мое глупое сердце, но ни словом при этом со мной не обмолвилась.

Как это вообще?

Еще в начале недели она жужжала мне в уши о том, что Мельник принялся обхаживать на курсе очередную жертву, в который раз игнорируя то, что Адриана Аммо существует в этой вселенной. Охала, ахала, печально вздыхала. А теперь, что получается, спустя всего лишь пару дней волшебным образом переобулась?

— Ну..., — замялся Антон, а я себе в моменте нафантазировала такие жуткие картинки, в которых они уже распланировали всю свою будущую жизнь и решили пожениться после выпуска.

— Не тяни кота за хвост, Тош, — прохрипела я. — Ему ведь больно.

И словила ментальный удар под дых, ожидая новых зубодробительных откровений.

— Короче, — облизнулся Прохоров и криво улыбнулся, — вообще-то, встречаться мы начнем только в эту субботу. То есть завтра.

— Это как? — нахмурилась я, пытаясь свести все услы-

шанное в одну логическую цепочку, но получалось у меня неважно.

— Тут такое дело. Ох, — сложил парень руки в замок, — ну, про дебильную влюбленность Адрианы в этого идиота Мельника ты уже знаешь. А уж сколько она пыталась его охмурить, так вообще говорить не стоит. Но! Теперь у нее родилась новая стратегия — она решила его привлечь безразличием. И помогать в этом деле ей буду я.

— И чему ты радуешься? — резонно спросила я, все еще пребывая в прогорклой прострации.

— Тому, что, пока Адриана будет корчить из себя запретный плод перед Мельником, я сам протяну к ней руки и покажу, чего на самом деле стою. Ведь сама посуди, у меня будут все козыри на руках: я смогу ее обнимать, целовать, говорить комплименты.

— Ты всегда мог это сделать, Тош, — опустила я глаза на свой нетронутый десерт.

— Это другое!

— Конечно, — покладисто дернула я головой, но парень будто бы не слышал меня и продолжал сыпать сырую землю на гроб моих убитых надежд и чаяний.

— В субботу у Мельника день рождения. Он всех пригласил в ночной клуб. И я не хотел туда идти, но потом ко мне подошла Адриана со своей просьбой, и я, конечно же, передумал. План такой. Она придет туда с тобой, вроде как просто на празднование, но на Костика этого доходяжного даже

и не взглянет. А потом появлюсь я и стану пялиться на нее во все глаза. Ну, как всегда этого хотел. А потом приглашу на танец. И вот тогда мы первый раз с ней поцелуемся. Взасос, Алинка! По плану Адрианы Мельник это все увидит и наконец-то заметит ее, приревнует и попрет в наступление, отбивать ее у соперника. А по моему плану, я так накачаю ее собой, что она и думать про своего Костика забудет. Ну, чем не взрывная новость, Бойко!?

— Да, согласна. Меня знатно подорвало, — потянула я, а Прохоров нахмурился.

— Погоди, ты что, за меня не рада, что ли?

— Почему же, Тош? — пожала я плечами, приказывая себе улыбаться и корчить верную подругу без претензии на большее. — Очень рада. И за тебя. И за Адриану.

И за свой язык, который отказался ворочаться и произносить слова признания вот этому самому парню, который в очередной раз потоптался по моим невзаимным чувствам.

— Понимаю, — хохотнул тот, — все это так внезапно. Но я так невероятно счастлив, Бойко. Ты представь, что уже завтра я буду целовать мою Адриану, сжимать ее вот этими самими руками, — он покрутил перед моим лицом своими ладонями, — и сходит с ума от любви!

— Представляю...

— Я всю ночь сегодня не спал, все грезил тем, как это будет. Что она почувствует. Что сделаю я. Как именно я это сделаю. Господи, я чуть с ума не сошел. А потом всю ночь

видел такие сны — просто закачаешься!

— Угу...

— И ты должна быть рядом, понимаешь? Ну, в этот вечер.

— Тош...

— Ничего не хочу слушать! Ты обязана быть рядом со мной. Ты ведь мой лучший друг. Мне нужна поддержка. Мне нужна ты, Алина.

— О боже...

— Я без тебя просто не справлюсь.

— Хорошо, я постараюсь, — обескровленными губами и в состоянии глубокой эмоциональной комы промямлила я, а через секунду поняла, что критически не вывожу это все.

Я поднялась из-за стола. Покачала головой и судорожно принялась искать повод, чтобы сбежать. К счастью, мозги Прохорова в конкретно это мгновение соображали лучшем, чем мои.

— Ты в уборную?

— Да. На минуту.

— Ок.

И я медленно, словно ленивец, потащилась в туалет, на ходу глотая слезы и не понимая, что же мне теперь делать. Я не смогу смотреть на этих двоих, на их близость, на их флирт и ничего не чувствовать. Я буду каждую минуту умирать рядом с ними.

В уборной я заперлась в одной из кабинок, плюхнулась на унитаз, отмотала на руки целую простыню туалетной бумаги,

приложила ее к глазам и дала себе слабину.

Растрескалась.

Разбилась.

А спустя невыносимо горькие минуты собственноручно склеила себя по кусочкам. Вышла из кабинки, умылась ледяной водой и снова побрела к Прохорову, но уже не в радость, а как на плаху.

Шла и каждый шаг, будто по раскаленным углям.

А дойдя до конца, снова окунулась в какой-то фильм ужасов наяву. Ведь Прохоров на чем закончил, на том и продолжил. И понеслось... о том, как нужно продлить весь этот фарс с Мельником, чтобы он, Прохоров, успел бы объяснить и растолковать Адриане, что она выбрала не того парня. Что нужно организовать больше точек соприкосновения. Что необходимо пригласить ее на свидание, подарить цветы, написать ей стихи, поставить статусы в сети, что они теперь вместе.

Меня от всей этой ванили затошнило.

Но я все-таки смогла приказать себе абстрагироваться от его, жалящих до мяса, слов. Слушать, но не слышать. Не вникать. Не вариться в этом компоте из тотального равнодушия к моей персоне.

Лучшая подруга. Ха-ха...

Какая жестокая ирония судьбы.

Поверьте мне, френдзона — это как концлагерь для влюбленной души. Ее эксплуатируют до тех пор, пока она не истлеет и не умрет от горя и тоски. По несбыточному...

— Так ты придешь в клуб, Алинка? Ведь придешь, да?

— Приду, — шепотом соврала я и улыбнулась, думая, что отбилась от самых смертоносных стрел.

Но как же я ошибалась...

Беда не приходит одна.

Глава 12 – Хлебные крошки

Алина

— Бойко?

Замираю. Останавливаюсь на месте, смотря прямо перед собой в одну точку, и просто жду неизбежного. Но да, я игнорирую свою лучшую подругу вот уже целые две недели. Придумываю тысячи отговорок, чтобы даже не пересекаться с ней в стенах Академии. И пашу. Пашу, как проклятая, загружая себя репетициями и прогонами до такой степени, что остается сил только на то, чтобы приползти домой, упасть на кровать и умереть.

Воскреснуть вновь на следующее утро. И снова по кругу.

Лишь бы не думать о том, что где-то там, вне периметра моего зрения, есть они — лучшая подруга, и тот, к которому так отчаянно и вопреки всему тянется мое сердце. И они играют в любовь. Корчат из себя Ромео и Джульетту, превращаясь при этом для меня самой в ненасытных пиявок, которые перманентно пускают мне кровь.

Я знаю, что Прохоров ее целовал.

Видела это собственными глазами.

Да, в ту субботу я сослалась на недомогание, ссору с отцом и в итоге осталась дома. Но социальные сети не заткнешь, и уже в понедельник фотографии целующихся «влюбленных» не сунул мне под нос разве что ленивый.

— Бойко, а ты знала, что у них роман?

— Алин, а давно это между ребятами?

— О, они так круто смотрятся вместе.

— Красивая пара. И как нежно Антон целует Адриану, как пылко на нее глядит — сразу видно, что это любовь.

И пока меня всю перекручивало изнутри, мне приходилось насиловать собственные губы, растягивая их в улыбке. А как иначе? Держать марку, пока все болит и ноет, нас в Академии приучили сразу. Умри, но улыбайся и танцуй. Танцуй так, чтобы все плакали.

Все. Но не ты.

Даже когда целых четырнадцать дней тычут в лицо колючими фактами: вот они в кино, вот в ресторане, вот катаются на лошадях, вот он дарит ей цветы, вот воздушные шары, вот огромного плюшевого медведя, о котором мечтает каждая девчонка. В том числе и я.

— Алин, — моего плеча касаются тонкие пальцы Адрианы, а я, снова надеваю на себя маску девушки, которой все нипочем.

— Привет.

— Ты избегаешь меня? — она хмурится, а я качаю головой, игнорируя почти нестерпимое желание засадить ей в лоб парочку неудобных вопросов. Но меня попускает. Люди ведь ничего никому не должны, кроме как быть верными самим себе и своим принципам.

— Прости, я в последнее время что-то совсем загналась.

Гофман сняла меня с роли, и я решила порвать все шаблоны, гонясь за мечтой, забывая о близких. Забывая обо всем.

— Да, Тоша писал, что ты не отвечаешь на его сообщения.

— Я отвечаю.

— Да, что пока занята, и дашь о себе знать чуть позже.

— Но я правда занята, Адриана, — упрямо улыбаюсь я, не отводя взгляд и почти не моргая. Если эта девушка думает, что мне станет стыдно за свое поведение, то она плохо меня знает.

Не станет.

— Тебе ведь вернули роль Авроры, можно выдохнуть.

— Только лишь потому, что Тихорецкая не справилась и дважды облажалась с поддержкой на репетиции.

— Да брось, Кошель влюблен в тебя, как щенок. Он специально обронил Эльку пару раз, чтобы вернуть тебя себе, — смеется подруга, но я не отвечаю на ее провокационное замечание. Лишь молчу и покорно жду, когда же наш разговор обретет хоть какой-то смысл. — Алин...

— Что?

— Мы больше не подруги?

— Это ты мне скажи. В последнее время я все узнавала от Антона, — развела я руками, не боясь того, что мои слова могут вырвать из контекста и перефразировать во что-то болезненное для меня.

— Ты про Мельника?

— Да хоть бы и про него, — пожимаю плечами.

— Я его люблю, Алин. Я просто хочу быть с ним. Всегда! Разве это противозаконно?

— Нет, — вру я, скрывая свои чувства и надежды того, кого она, словно марионетку, решила подергать за ниточки.

— Мой план уже начинает работать. И Тоша... он на самом деле очень мне помогает. Он настоящий друг.

— А я — нет?

— Я этого не говорила.

— Ну да...

Мы обе замолкаем. Я давлю Адриану взглядом, она же все-таки отводит глаза, а потом и вовсе закатывает их.

— А что я должна была говорить тебе? Ты такая вся правильная, что аж зубы сводит. Это нельзя! То можно! Есть только черное и белое. В чувства не играют. О любви не шутят. Да бред это все, Бойко! Неужели бы ты на моем месте поступила бы иначе? Тем более что Прохоров не был против этого плана.

Ну еще бы!

— Это обман.

— И кому я им делаю плохо?

— Никому, — согласно закивала я, решая для себя закончить этот разговор без прицела на смысл.

— Вот поэтому-то я и побоялась тебе рассказывать о своих планах. И Тошу потом отругала, что он сказал. Надо было по факту тебе все выложить. Уж не знаю, Бойко, откуда в тебе эти комплексы, но есть такие ситуации, когда игра в

любовь стоит свеч.

Не стоит. Никогда. Я это знала, как никто другой в этом долбанном мире. Но сытый голодного не поймет, а потому я не видела смысла рвать глотку, чтобы кому-то что-то доказывать.

— Так мы дружим или нет?

— Конечно, дружим, — усмехнулась я. — И я не обижалась, если что. Просто считаю, что никогда не стоит так заморачиваться ради парня.

— Никогда не говори никогда, подруга, — подмигнула мне Адриана, а я чуть спустила пар, считая для себя, что действительно вызову кучу подозрений, если буду и дальше продолжать в том же духе шарахаться от ребят, словно от прокаженных.

Тут либо рубить окончательно все концы, либо отыгрывать спектакль до победного. Я не хотела становиться жертвой обстоятельств. Я и так по всем фронтам была подбитая. Еще и тут.

Ничего, потерплю...

— Ты сегодня как?

— Дома, — поджимая я губы.

— Не хочешь в гости? Мама наконец-то укатила в командировку, так что будет весело.

— Ладно, — киваю я.

— Ладно, — улыбается мне Адриана. — Тогда до вечера. Заеду за тобой, во сколько?

— В одиннадцать. До вечера, — ставлю я точку в разговоре, а затем жду, пока подруга развернется и оставит меня в покое. Чтобы я могла выдохнуть и снова качать кислород на максимум.

Рядом с ней было больно. Муторно. Завистно. И это последнее чувство грызло меня, а я сама себя за него ненавидела. Хотелось выскоблить себя изнутри, продезинфицировать все и зачистить едкой щелочью. Почему? Потому что я чувствовала от этого деструктива душу грязной и четко понимала, что ничем не была на самом деле лучше той же самой Адрианы Аммо, которая ничего мне не сказала о своих планах.

Потому что сама я точно так же была полна от нее секретов. И не только их, а еще и забористых скелетов в шкафу, которых и сама боялась до чертиков. Они скребли своими костлявыми пальцами изъеденные старостью дверцы шифоньера с обратной стороны и шептали мне без конца, что следят за мной. И знают, насколько я на самом деле жалкая.

Но все эти тухлые мысли пришлось выкинуть из головы, потому что прямо по курсу была смена в спектакле. Пока что я была лишь незначительным винтиком в кордебалете, но мне нужны были деньги. И жизненный опыт.

Ближе к одиннадцати вечера я перешагнула порог квартиры, выжатая как лимон. Отец спал в кресле перед включенным телевизором, рядом с ним стояла пустая бутылка из-под дешевого портвейна, упаковка от еды быстрого приготовле-

ния и кожица от съеденной колбасы. Что я к нему чувствовала? Пустоту.

Я неспешно приняла душ. Перекусила, купленным заранее в театральном буфете сэндвичем. И уже почти отправилась спать, как телефон истошно заголосил в моей сумке. Боясь разбудить отца, я, спотыкаясь, кинулась к нему и выудила с самого дна, а затем, не глядя, приняла вызов.

— Бойко?

— Антон?

— Ты где?

— А где мне еще быть, кроме дома?

— Какого черта ты дома, если я тебя жду под твоими окнами уже четверть часа?

— Меня? — продолжала я этот глупый разговор, состоящий из одних вопросов.

— Ну а кого еще мне ждать кроме тебя?

Ущипнула себя – не сплю.

И потерялась в причинах. Осталась только глупая надежда, что все не сон. Кто же виноват, что я в тотальной загруженности и бесконечной усталости просто позабыла о договоренности с Адрианой Аммо?

— Десять минут, — выдохнула я, а затем отключилась, принимаясь мотаться по комнате, как сумасшедший электровеник.

Джинсы. Футболка. На то, чтобы собрать волосы, не хватило времени. Сумка на плечо с самым необходимым. По-

дышать глубоко, чтобы спустить градус напряжения в собственном теле.

А затем торопливо спуститься вниз.

К нему.

— Ну наконец-то, Бойко! Едем.

— Едем, — улыбнулась я. — А куда?

— Куда? К Аммо на вечеринку, конечно же.

— Что...?

Но в ответ Прохоров только утопил педаль газа в пол и прикрутил уровень громкости музыки в салоне. А я отчетливо ощутила себя в западне.

Или в капкане...

Глава 13 – Капкан

Рафаэль

Я нервничаю. Все-таки всегда надежнее делать все самому, а не быть кукловодом, дергая тупых кукол за веревочки. Прохоров был одним из таких и мог мне запороть дело уже на начальной стадии. А я этого не хотел. Мне нужно было, чтобы пьеса разыгрывалась четко по моим нотам.

Иначе я не получу то, что хочу.

Выбрасываю пустую пачку в урну и бесцельно чиркаю зажигалкой, пялясь неотрывно на подъездную дорожку к дому. Закидываю в рот мятный леденец и отстранённо отслеживаю свои реакции. Нормально: пока внутри меня бушует огненный торнадо, внешне я собран и предельно холоден. Пульс не частит, ладони не трясутся, температура тела в пределах допустимых значений.

Со стороны может показаться, что я совсем не болен. Не помешался.

Обычный парень, которому все равно. Но как же обманчива эта картинка, правда?

Я скалюсь своему отражению в темном стекле оконной рамы, а уже через секунду вздрагиваю, завидев в отдалении огни приближающегося автомобиля.

Это она. Я нутром это чувствую.

Еще спустя минуты три я облегченно выдыхаю, заслышав,

как шелестит гравий на въезде во двор. Прислоняюсь затылком к кирпичной кладке дома и прикрываю глаза, обращаясь вслух. И почти сразу же ловлю звуки ее звонкого голоса.

— Мне лучше вернуться домой, Тош.

— Да что с тобой такое, Бойко? Ты же всегда была с нами. Что теперь не так? Я всю дорогу распекался о том, как наконец-то обрел долбанное счастье, надежду на нормальные отношения с Адрианой, а ты сидишь, словно неживая: «угу, ага, рада за вас». А сама от меня морозишься: трубку не берешь, на сообщения не отвечаешь, на переменах где-то теряешься вечно. Когда мы с тобой говорили нормально последний раз?

— Я просто боюсь, что тебе разобьют сердце, Антон.

Слышу эти слова и грустно улыбаюсь, прикусив губу. Значит, бить сердце себе она не боится, а за чужое беспокоится. То, что совершенно равнодушно к ней.

— Да все нормально, Алинка.

— Это ведь лишь игра. Что ты будешь делать, когда Адриана выиграет свой забег за мечтой, а ты так и останешься буксовать на старте?

Хмыкаю. Я буду удивлен, если этот придурок Прохоров поймет смысл того, что она только что сказала. Умная девочка — вымирающий вид в наше время. Я это знал, потому что слишком часто спотыкался о малообразованное и невнятное недоразумение, способное обсуждать лишь косметические тренды, сумочки и цвет лака для ногтей. Они же

на полном серьезе думали, что Эрих Мария Ремарк — это женщина. Ну конечно, что еще ждать от девочек, которые классике предпочитали распиаренные литературные отрыжки и бьюти-блоги?

Вопрос риторический. Отвечать не нужно.

— По-твоему, я должен тупо проигнорировать этот шанс на удачу?

— Нет, но...

— Слушай, я не монстр, ок? Не желаешь идти туда, не надо. И плевать, что Адриана бы этого хотела. Так же, как и я. Я просто сейчас вызову тебе такси, и ты уедешь, раз тебе так невыносимо общество лучших друзей.

— Это не так!

— Так!

— О господи, хватит!

— Ты идешь или нет?

— Иду.

Я слышу их удаляющиеся шаги и выдыхаю. Согласилась. Мои ставки были пятьдесят на пятьдесят, что взбрыкнет. Но тут, как посмотреть: с одной стороны, для меня хорошо, что осталась, а с другой катастрофически плохо, ведь девчонка согласна на живую драть на куски свое сердце, лишь бы не расстроить Прохорова.

Ладно. И меня вылечим. И ее вылечим.

«Ты где?» — пиликнул телефон в ладони. Это Серяк, мой одноклассник потерял меня из виду.

«Жди», — отписался я и сунул гаджет в задний карман.

Да, своего некогда лучшего друга, Басова, я и на пушечный выстрел к Бойко подпускать опасался, рискуя втянуть девчонку в грязные игры. Но вот Серяк, Тимофеев и остальные парни из нашей компании были по большому счету безобидными. Именно поэтому я не боялся теперь использовать их в своих целях. Тупо для массовки.

А я пообещал сестре, что тусовка будет выше всяких похвал.

Мать свинтила в командировку. Дом громить не позволила, а вот насчет бассейна никогда не возражала. Здесь и разместилось более полусотни разгоряченных гормонами парней и девчонок. И все только для того, чтобы на эту пати соизволил явиться Костя Мельник. И Алина Бойко.

Дело было в шляпе — мышки клюнули на бесплатный сыр в мышеловке.

Музыка долбила нещадно, в воду из специальной установки лилась пена, а в ней тут и там плавали девчонки в одних лишь микроскопических бикини, верхом на надувных розовых фламинго. Стробоскопы ослепляли, выпивка лилась рекой, толпа гудела и выплясывала, задирая руки вверх.

Но мне в этой разномастной мешанине тел, было нужно лишь одно.

Я бесшумной тенью обогнул дом и уверенно двинул в сторону банного домика, где и находился огромный двадцати пятиметровый бассейн, русская парная, хаммам, джакузи и

патио для отдыха, которое теперь превратилось в импровизированный танцпол. Но в главные двери, вслед за Прохоровым и Бойко, я не пошел. Поднялся по винтовой лестнице на балкон, а через него попал на второй ярус постройки, с которого открывался превосходный вид на гудящую толпу.

На мою сестру, которая показательно вешалась на Прохорова. На Мельника, который слишком часто поглядывал на Адриану. И на Бойко, которая, словно бедная родственница, все еще стояла на пороге, затравленно оглядываясь по сторонам и неловко теребя лямки рюкзака тонкими пальцами. Сестрица кинулась и к ней, пытаясь расшевелить, но особо не преуспела.

Девчонка пребывала в шоке.

«Ты здесь вообще? Я все правильно делаю?», — прилетело мне новое сообщение, но уже от Адрианы.

Я: «Да. Только твоя подружка уж больно светит карты. Или сделай так, чтобы она улыбалась, или Костик поймет, что его водят за нос».

Она: «Да при чём тут Алинка-то вообще?»

Я: «Притом, моя хорошая, что путь к сердцу девушки лежит через ее лучшую подругу. Мельник ни сегодня, так завтра подвалит к этой Бойко и начнет прощупывать почву, а она на нервяке сдаст вас к чертовой матери. И что тогда?»

Она: «Алина не такая».

Я: «Делай, как я говорю».

Она: «Я и делаю! То не трогай ее две недели, то заставь

ее улыбаться. Задолбал...»

Я: «И поглубже суй язык в глотку Прохорову».

Она: «Я и сую!»

Я: «С закрытыми глазами».

Она: «Я уже говорила, что ненавижу тебя, Раф?».

Пф-ф, тоже мне новость…

Вниз я спустился лишь спустя полчаса. В одних только купальных шортах, низко висящих на бедрах. Девчонки приветственно завизжали. Прохоров даже забыл про Адриану, припустив ко мне с такой скоростью, что чуть не поскользнулся на мокром полу. И старательно принялся делать вид перед всеми, что мы с ним, чуть ли не лучшие друзья. Хорохорился, аки петух. Мои пацаны закатили глаза, я же решил немного подыграть придурку ради дела. Даже приобнял того за плечи, а затем задел показательно равнодушным взглядом мою балерину.

Сухо ей кивнул.

Остаток вечера и половину ночи, пока все смеялись и танцевали, я кружил вокруг своей жертвы, словно спятивший паук, плетя смертоносную паутину, которая в конечном счете должна была опутать ее всю. Но не для того, чтобы убить.

А для того, чтобы она всегда принадлежала только мне одному. Безраздельно.

И плевать, что остаток вечера она насильно улыбалась, глотая слезы. И два раза бегала в уборную, чтобы прореветься. Не жалко. Счастье никогда не дается просто так на блю-

дечке с голубой каемочкой.

Его с кровью приходится выдирать из цепких лап насмешницы-судьбы.

А потому сегодня я хладнокровно ждал, пока Бойко дойдет до нужной мне кондиции безысходности, чтобы завтра, рыцарем без страха и упрека, предложить ей опьяняюще-сладкую надежду. А там уж как повезет...

Алина осталась ночевать у нас. Ушла раньше всех и поднялась в комнату Адрианы, где вышла на балкон и почти час стояла, смотря на небо с закрытыми глазами. Не шевелясь и будто бы слившись с этой ночной тишиной. Я же, словно верный пес, поплелся за ней, а затем пялился на ее тонкий, почти воздушный силуэт, сидя в беседке до самого рассвета.

Меня гнуло такое страшное состояние, в котором я четко понимал, в какого монстра превратился. Но и изменить ничего не мог. Хотел ли? Нет, не хотел. Чем я был хуже, например, родителя, который борется за жизнь заведомо обреченного на смерть ребенка? Он же все равно умрет, и все вокруг это понимали, но нет, его продолжали пичкать химией и заставляли страдать, удлиняя и без того страшную агонию. Акт любви? А к кому?

Или мой отец. Он тоже любил меня и сестру. Не знаю точно ли, но он говорил, что это так. А потому продолжал мучить маму в этом уродливом браке, ссылаясь на жалкое оправдание «ради детей». Были и такие, кто «во имя любви» укрепляли брак леваком. И вообще, сколько дерьма в мире

происходит под этим лозунгом?

Я могу целую вечность приводить подобные сравнения. Судить себя. Судить кого-то. Но что хуже: не делать ничего для достижения собственных целей или бросить в топку все, чтобы получить хоть что-то? Позволять Бойко любить того, кто ее не достоин или помочь обрести ей нечто большее, чем эта неправильная дружба?

— Вот ты где? — я вздрогнул и обернулся. Это была сестра. Она куталась в безразмерный плед и кусала губы, выдавая свое шкалящее напряжение и бурлящую, переливающуюся через края радость.

Жаль. Я думал, у меня будет больше времени.

— Говори, — кивнул я и похлопал себя по карманам в поисках отравы. Пустая пачка лежала у меня в ногах, а новую я взять не догадался.

— Работает, Раф! Как ты и говорил. Представляешь? — Адриана подпрыгивала на одном месте, а затем и вовсе изящно закружилась вокруг собственной оси.

— Надеюсь только, ты не запорола все дело в самом начале? — нахмурился я.

— Ох, признаться честно, еле сдержалась. Но, Раф, впервые за все время, как мне нравится Костик, он сам ко мне подошел. Присел рядом, давай всякие там темы заводить, а потом... господи... он потянулся ко мне за поцелуем!

— А ты?

— О, а я так хотела ему ответить, но потом, уже в самый

последний момент, вспомнила все твои советы и отвернулась. Конечно, он принялся извиняться и все такое. А потом ушел... блин!

— Ты побежала за ним?

— Нет, конечно, — надула губы сестра, — я все сделала, как ты велел. Просто сидела и смотрела ему вслед.

— Молодец.

На несколько мгновений между нами воцарилась почти зловещая тишина, только издалека был слышен шум моря и крики чаек на ветру. Но Адриана не могла долго молчать, а потому топнула ногой и глянула на меня требовательно.

— И все? Молодец — это все, что я заслужила?

— Успокойся.

— Легко сказать! Костя ушел и больше никогда ко мне не сунется! Или, может, даже все понял. Боже, надо было не Прохорова себе в напарники брать, а кого-то позабористее, например, такого как твой этот Серяк или Тимофеев. Жаль, что Басов уехал, вот он бы точно задал жару.

— Тут вопрос авторитета важнее забористости, Адриана. Против Серяка, Тимофеева и уж тем более Басова твой Мельник просто бы не сунулся. Зассал бы. А вот Прохорова он не уважает и свободно попрет на рожон, если ему приспичит забрать тебя себе.

— Говоришь обо мне, как о породистой лошади.

— Не принимай на свой счет. Но Прохоров слабак. Богатый, возможно, даже перспективный, но никакущий. Как

мужик — слизняк. Завистливый, не имеющий собственного мнения, суетливый и пустой.

— Не говори так, Антон — мой друг.

— Тем не менее он идеальный кандидат, чтобы вызвать интерес к тебе, как к девушке, а потом его слить, когда твой Костя снова к тебе сунется.

— А он сунется? — нервно облизала губы сестра.

— Обязательно. Мельник уже на крючке. Даю неделю, максимум две, что он подвалит к тебе по какой-то надуманной причине. Будет писать в сети. Потом пригласит куда-то. Ты должна ему отказывать. Но при этом намекать, что твое «нет» со временем может трансформироваться в «да» и ему нужно просто быть понастойчивее.

— Но почему нельзя сразу согласиться? К чему эти танцы с бубном?

— К тому, что, чем быстрее он тебя заполучит, тем быстрее кинет. Попользуется, и в утиль. Ты этого хочешь? — вот уж не думал, что девочкам нужно разъяснять такие прописные истины.

— Нет.

— Тогда делай, как я говорю. Динамь его. Я скажу, когда можно будет дать доступ к телу.

— Ты ужасный человек, Рафаэль.

— Я знаю.

— Ладно, я пошла.

— Адриана?

— Да?

— И не болтай. Никому, ты поняла меня? Ты же не хочешь, чтобы однажды твой Костик узнал, что ты его просто, но технично сняла, — в ответ сестра только сдержанно мне кивнула. А затем снова поплелась в банный домик, который находился в существенном отдалении от главного дома.

Я последний раз мазанул по темным окнам комнаты, где спала Бойко, взглядом и отправился вслед за сестрой. А там уж в бассейне творилась настоящая вакханалия: тут и там целовались парочки, кто-то танцевал грязные танцы, а кто-то подпевал горлопанящим динамикам:

Последняя любовь, пепел на простынях
Бери все мои вещи, выкидывай из окна
Последняя любовь, плачешь, а мне плевать
Ты больше не поверишь никому и никогда...

Какая грязь...

Я вообще не перся от подобных вписок. Недолюбленные девочки, перекрытые мальчики, легкие победы под допингом, сажа в душе поутру, когда одна чувствует, что ей опять попользовались, а другой радуется, что смог самоутвердиться за счет слабой на передок жертвы. Как это все глупо и смешно — маты на языке, в попытках казаться старше. Неоправданный риск, незащищенные и сомнительные удовольствия. Молодость со взрослыми ошибками. Подростки, которые знают о запретном больше, чем их родители.

И все закрывают глаза. Они же еще дети...

Опять же, обман «во имя любви». Вседозволенность «во имя любви». Жалость «во имя любви».

Вывод? Успокоиться. Да, я чудовище, но такое же, как и все.

Плюхаюсь на лежак, предварительно взяв из холодильника бутылку минералки. Ленивым взглядом скольжу по уже вялым движениям присутствующих. Замечаю пару тел, которые выдохлись, и мирно спали на кожаных диванах возле выхода на террасу. Улыбаюсь сам себе, пока желанное одиночество снова не разбавляется беспардонным нарушением моей зоны комфорта.

— Рафаэль, крутая вечеринка.

Прохоров. Я ненавидел его также, как мокриц и двухвосток, которые по весне наполняли старый домик покойного деда в деревне. Однажды, когда мне было пять, такая тварь заползла в ухо. Отвратительные ощущения, один в один, такие же, как и сейчас, когда этот склизкий персонаж нависал надо мной и услужливо улыбался.

Я кивнул ему в ответ. Но Прохоров расценил эту реакцию как положительную и подсел рядом, нервно крутя в руках стакан с какой-то мутной жижей. И принялся без устали болтать о моем мотоцикле, о том, что тоже хочет такой же, но еще до конца не определился с моделью и цветом, а потому тянет с покупкой. Что-то про шлемы упомянул. Такая дичь.

Я честно пытался вникнуть во весь этот словесный понос, но устал этим заниматься. Встал и молча отправился на тер-

расу, прихватив с собой новую пачку отравы. В этом году январь выдался феноменально теплым, и воздух днем и ночью прогревался до уже довольно комфортных значений — пятнадцати градусов выше нуля. И все бы хорошо, если бы Прохоров не поплелся за мной.

— Я что хотел спросить-то...

И снова болтал, как проклятый. О том, что тоже хочет себе татуировку, но до сих пор не может выбрать подходящий эскиз. И волосы высветить он бы не отказался, как у меня, но в Академии и на подмостках его не поймут. А жаль.

А я все хотел бы спросить — а мне ли не насрать?

— Антон, — перебил я нескончаемый поток сознания этого недоразумения.

— Да?

— А почему ты согласился подыграть Адриане?

— Что значит, почему? Мы же друзья, — и парень криво улыбнулся, а я в который раз поразился, не понимая, что же такого нашла Бойко в этом парне, что смогла аж залипнуть. Нонсенс какой-то.

— А Алина? — тихо ввернул я.

— А что Алина?

— Ну не будь дураком, Прохоров, ты же понимаешь, куда именно я клоню, — а давал ему шанс похвастаться передо мной и знал, что он его не упустит. Такой мелочный человек, как этот — никогда.

И оказался прав.

— Ну, я знаю, что нравлюсь ей, да, — эта сволочь даже грудь выпятил, так его распирало чувство собственной значимости.

— Тогда, возможно, ты понимаешь, что делаешь ей больно.

— Возможно, — пожал плечами Прохоров и отмахнулся.

— То есть ты к ней равнодушен?

— Зачем портить дружбу чувствами, Раф? Ты же не отказываешь лично каждой, кто смотрит на тебя влажным взглядом, верно? Да и Бойко будет неприятно, если я признаюсь, что в курсе ее слепого обожания. Однажды она просто перебесится, и все. Глупо было бы сейчас шашкой махать.

— Да, — кивнул я, корчась от отвращения. — Ты прав.

А затем, не прощаясь, покинул террасу и снова вошел в разогретое помещение бассейна, отключая диктофон, который все это время писал наш с Прохоровым разговор. Попрощался с парнями. Кивнул Адриане. И отправился спать.

Завтра был важный день. Тот самый, на кон которого я поставил все, что у меня было...

Глава 14 – Мышка реагирует

Алина

Я проснулась ровно в тот момент, когда в комнату на цыпочках прокралась Адриана. Сходила в душ и вернулась, завалившись на подушку рядом с моей и явно с кем-то переписываясь в телефоне. Я же упорно делала вид, что сплю. Мне было невыносимо снова начинать разговоры о бесконечном вечном: о том, как язык Прохорова побывал во рту у лучшей подруги, и о том, что это не так уж и плохо, как она себе представляла.

Мрак.

Думать о том, что это я сама бесхребетная тряпка, которая все никак не может набраться смелости, чтобы честно заявить о своих чувствах и попробовать хоть что-то сделать для достижения собственных желаний, тоже не хотелось.

А потому я лежала бесшумно и ждала, когда же сон снова накроем меня с головой. И это случилось. Вот только облегчения не принесло. Там, во сне мне снилась мать и отец, которые с лающим, издевательским смехом тыкали в меня пальцем, и все твердили, что меня никто и никогда по-настоящему не полюбит. Тем более такой, как Антон. И рядом с ними стоял он — герой моего романа. И лучшая подруга. И они оба согласно кивали в такт всем этим безжалостным словам.

Я вздрогнула и проснулась. А затем выдохнула, когда увидела на часах уже начало десятого утра. Осторожно выпуталась из тонкого одеяла, оделась и тенью скользнула в ванную комнату. Почистила зубы, умылась и решительно поспешила прочь.

Плевать как, но я планировала добраться домой как можно быстрее. С меня хватит отвязных вечеринок, фиктивных отношений и экспериментов с чувствами. Я сама ощущала себя истерзанной подопытной мышью.

И теперь хотела только тишины...

— Уходишь по-английски? — я замерла, как вкопанная, услышав этот пробирающий до костей голос. Такой тягучий, словно сахарный сироп. Чуть хрипловатый, глубокий и бархатистый. С таким голосом Рафаэль Аммо мог бы сделать головокружительную карьеру в качестве радиоведущего.

Вот — у меня даже мурашки побежали по позвоночнику.

— Да. Мне пора, — оглянулась я из-за спины и сдержанно кивнула, отмечая, что парень одет лишь в белоснежную майку и темно-синие домашние штаны. Босой. И с патчами на глазах.

Серьезно?

Я покачала головой, приказывая себе не улыбаться. Подумаешь...

— А как же яичница с беконом, имбирный чай и ванильные рогалики?

— Я не голодна, — соврала я и тут же покраснела, так как

мой желудок решил прямо в этот самый момент заявить о том, что я в последнее время критически недоедаю.

— Пошли, накормлю тебя, так уж и быть.

— Но мне надо домой, — упорно гнула я свою линию.

— Отвезу. Но сначала завтрак, Бойко. Давай, шевели колготками в сторону кухни.

И скрылся, на ходу разминая свою шею. Я же только потопталась на месте, а затем решила не выпендриваться. Все ж-таки сомнительно, что в этом элитном поселке на берегу Черного моря ходят автобусы или что-то типа того. Пешком же я до дома буду топать пару часов, не меньше.

Чем не аргумент?

Пришлось со вздохом признать, что мне повезло, и плестись вслед за парнем. А там скинуть свой рюкзак на пол и залезть на барный стул, а затем молча следить, как уверенно Раф орудует у плиты.

— Лук, помидоры, ветчина, сыр? Никакой аллергии или непереносимости?

— Про себя не спросишь? — осмелилась я пошутить и поймала удивленный взгляд.

— Это было больно, — рассмеялся парень.

— Не ври.

— Ладно, не буду, — снял с нижних век патчи и пожал плечами. — Ворую у матушки, они чертовски бодрят.

Спустя минут пять передо мной уже стояла источающая аппетитные запахи тарелка и дымящаяся кружка с чаем. А

еще хлебница, до краев заполненная горячими зерновыми булочками. Я попробовала и удивленно подняла на Аммо глаза, но тот лишь технично орудовал вилкой и что-то листал в своем телефоне, совершенно позабыв о моем существовании. Но да, было чертовски вкусно, если не сказать больше.

Так, в тишине мы и прикончили завтрак, а затем синхронно поднялись со своих мест, покинули кухню, а после и дом. Я полными легкими хапала свободу, а Рафаэль смотрел на меня в упор и прищурившись.

— Что? — спросила я.

— Жду, когда ты надышишься, — а затем развернулся и неторопливо пошел к черной хищной иномарке, которую облепила роса.

Не прошло и пары минут, как мы вывернули на дорогу и помчали в сторону города. Встали в небольшую пробку на въезде, заехали на заправку, затем по дороге подрулили к огромному ангару, где Аммо непродолжительное время говорил с каким-то бородатым мужиком, затем взял у него сумку и закинул ее в багажник. Я не возражала этим остановкам. Дома раем все равно не пахло.

— Извини, что заставил ждать, — снова прыгнул парень за руль.

— Это ничего.

Через четверть часа мы были напротив моего подъезда. Неловко замолчали на пару минут.

— Знакомый кот, — кивнул в сторону лавочки Аммо, а

я улыбнулась.

— Это Тайсон, левое ухо не отморозил, а отважно потерял в драке с бомжом, который удумал пустить его на шаурму. Мы его тут всем домом подкармливаем, вот и прижился, — зачем-то пояснила я, но заглохла, не уверенная в том, что мой треп вообще интересен этому загадочному парню. — Спасибо, что подвез, Рафаэль. Я, пожалуй, пойду.

И потянулась к ручке, но не успела я дотронуться до нее и выйти наружу, как услышала характерный звук, закрывающий все двери в салоне.

Вот же черт!

— Бойко…

— Ты же не маньяк, правда? — попыталась я разрядить обстановку, и мы оба рассмеялись.

— Кто знает?

— Итак..., — я повернулась к нему корпусом, и Аммо отзеркалил мою позу, а затем принялся водить по своей нижней губе средним пальцем, рассматривая меня так пристально, что мне стало немного неуютно.

— Честно? Хочется обнять тебя и плакать, Бойко.

Сглатываю. Чуть дергаю вперед подбородком, боясь того, что верно истолковала его посыл. На затылке даже волосы дыбом встали, а во рту отчетливо пересохло — это тело резко кинуло в стыд и нервное перенапряжение.

— Можно, я уже пойду, — показательно дергаю запертой

ручкой, но она не поддается.

— Да пожалуйста. Но позволь уточнить, долго ли ты собираешься бегать от проблем, Бойко? Не то чтобы мне это было очень важно, но очень интересно. Пока что твои влажные взгляды в сторону Прохорова заметил только я, но... люди становятся предельно наблюдательными, когда дело доходит до чужой боли.

Я замерла, чувствуя, как стучит кровь по вискам. Как кружится голова, а тошнота забивает горло. Вот так, бес прикрас, мне показали, какая я жалкая размазня. И сейчас я сидела напротив Аммо будто бы голая и с душой нараспашку, в которой он по-хозяйски копошился и рассматривал все, до чего могли дотянуться его руки. И глаза.

Он так смотрел на меня...

Я никогда и никому не пожелала бы, чтобы на него так смотрели. Это даже не жалось. Это было словно наблюдение за крошечной букашкой, которой оторвали лапку и теперь потешались над тем, как забавно она ковыляла, спотыкалась и скребла пузом о землю.

А потому я решила не ходить вокруг вокруг да около. Смысл? Если меня все равно препарируют и зальют формальдегидом, чтобы потом еще не раз поглядеть на экспонат под названием «неудачница».

— Хочешь посоветовать мне самоустраниться из жизни Адрианы и Антона?

— Нет, Алина.

— Это хорошо, потому что я пробовала. Не получилось.

— Но ты же в курсе, что это лишь игра в кошки-мышки?

— В курсе, — киваю я.

— И мышка реагирует.

— А мне-то, что с того? — огрызнулась я и растерла грудь слева, прямо там, где снова отчаянно заныло сердце.

— С того, что это рабочий план.

— И? — я задохнулась оттого, на что именно намекал сейчас этот парень.

— Бери и пользуйся. Ведь тебе же нужен Прохоров, так?

Ответить я не смогла. Только принялась с такой силой стискивать руки на коленях, что костяшки побелели. Не знаю, что тут еще говорить, если у меня на лице все написано. Но брать на вооружение такие жестокие способы достижения цели? Нет, ни за что!

— У меня нет рабочих вариантов, — пожимаю я плечами.

— А если есть? — почти мурлычет Аммо, а я вскидываю на него удивленные глаза, не в состоянии поверить в то, что слышу.

— Зачем тебе это надо, Рафаэль? Я просто подруга твоей сестры и..., — развожу руками, а затем зарываю их в распущенные волосы. И все еще вопросительно взираю на парня.

— Да действительно, — отмахивается он. — На хрен. Забудь.

А затем нажимает кнопку, и дверь с моей стороны снимается с блокировки. Кивает мне на выход, а я вся внутри дро-

жу, не понимая совершенно, в какое кино только что угодила. Но этот сладкий вкус надежды — он уже коснулся моего языка, вдарил со всей силы по рецепторам и почти свел меня с ума.

А что если...

— Подожди.

— М-м? — веки Рафаэля лениво полуприкрыты, а сам он лишь неспешно водит пальцами по оплетке руля, словно бы пытаясь меня загипнотизировать. Не выйдет — во мне только что отгремел ядерный взрыв.

— С чего ты взял, что это все сработает? — меня откровенно трясет, а перед глазами уже мелькают такие вожделенные картинки, где мы с Антоном вместе: идем за руку, смеемся, целуемся...

Боже!

— Ну вот, представь: стоит кусок торта в холодильнике всеми забытый. Заветривается. Но стоит кому-то обратить на него толику внимания, чтобы сожрать, как он тут же, в моменте становится всем нужным. Это данность.

— Значит, я кусок торта? — прикусила я губу.

— Ты Наполеон, — улыбнулся мне парень как-то даже нежно, что ли, а затем добавил смеясь. — В юбке.

— Оу..., — а я губу закусила, суматошно раздумывая над тем, что он сказал. Но ведь я всегда была против таких бесчестных манипуляций. Против обмана, игр в любовь и прочей жести.

Это не про меня!

— И какую выгоду для себя ты преследуешь, Рафаэль? — сглатывая горький ком, забивший горло, спросила я Аммо в упор, но тот только опять рассмеялся.

— Зря ты так плохо обо мне думаешь. Я, вообще-то, белый и пушистый, Алина.

— Возможно, это просто плесень, — фыркаю я, а он еще больше хохочет.

Вот так, мы на полном серьезе обсуждаем возможность промыть Прохорову мозги от Адрианы и насильно залить туда мысли обо мне, а этому персонажу хоть бы хны. Пуленепробиваемый просто!

— И ты будешь засовывать язык мне в рот? — зачем-то уточняю я снова, а затем испуганно вскидываю глаза на Рафаэля, который резко перестает смеяться и теперь смотрит на меня с изрядной долей насмешки.

— Мы можем попробовать целоваться и без языка, а потом ты скажешь, как тебе больше понравится, Бойко?

Я же только фыркаю и качаю головой. Нет, это какой-то сюр. Испытание на прочность и силу духа. А может быть, и вовсе глупый розыгрыш. А что, такой как Аммо способен выкинуть все, что угодно. Это в его стиле.

В стиле плохого парня. Хуже его я никогда и не встречала.

— Ну так что? — тянет он хрипло и криво улыбается на одну сторону.

— Я подумаю, — киваю я, зная совершенно точно, что скажу ему «нет».

Я хорошая девочка. А хорошие девочки не соглашаются играть с плохими мальчиками в жестокие игры.

Открываю дверь и, не прощаясь, иду к дому, слыша в спину насмешливое:

— Буду ждать...

Глава 15 – Главное: не пожалеть

Алина

Зря я старалась орудовать ключом в замочной скважине как можно тише. Отец по-прежнему спал в своем кресле перед включённым телевизором, но на этот раз рядом с ним стояла уже не одна, а две пустые бутылки из-под портвейна. Дешёвого. Воняющего на весь дом противным, кислым и прогорклым запахом живущего в этих стенах неудачника и алкоголика.

Но я все же, боясь разбудить родителя, разулась и разделась максимально тихо, а затем на цыпочках прошмыгнула в ванную комнату, где встала под горячие капли воды и смыла с себя мерзкий осадок от прошедшей вечеринки и от разговора с Рафаэлем Аммо. И спустя уже четверть часа была в своей комнате, кутаясь на шаткой и скрипучей кровати в ватное одеяло и позволяя себе немного пораскинуть мозгами.

Хотя и думать тут было нечего. Я не пойду на такую подлость, что мне предлагал брат лучшей подруги. А если я не в состоянии привлечь Антона без хитрости, значит, судьба у меня такая. Не мое. Не сдохну.

Все! И нечего тут больше думать.

Два часа сна. Вместо второго завтрака —лишь

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.